

Адри Дюнанъ

(Henry Dunant. Основатель Общ. Краснаго Креста получившій премію Нобеля)

Воспоминаніе о битвѣ при Сольферино

(Souvenir de Solférino)

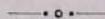

Адри Дюнанъ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

С. Н. НОРМАНЪ

подъ редакціей

А. П. ПЛЕТНЕВА

С.-Петербургъ

1904

МККК

Международный Комитет Красного Креста
Региональная делегация в Российской Федерации
Беларуси и Молдове
129090 Москва, Грохольский пер., 13, стр.1

Тел.: (495) 626 54 26

Факс: (495) 564 84 31

www.icrc.org/rus

E-mail: moscow@icrc.org

©МККК, апрель 2015

АНРИ ДЮНАН

**ВОСПОМИНАНИЕ
О БИТВЕ ПРИ СОЛЬФЕРИНО**

Перевод с французского
Репринтное издание

Москва
Международный Комитет Красного Креста
2015

УДК 355.48.(44)"1859.06.24"

ББК 63.3(4Фра)

*Международный Комитет Красного Креста
выражает глубокую признательность руководству
Российской государственной библиотеки за предоставленную
возможность опубликовать репринтное издание первой
публикации на русском языке под редакцией А.П. Плетнева
книги Анри Дюнан «Воспоминание о Сольферино»,
хранящейся в ее фондах.*

Дюнан А.

Воспоминание о битве при Сольферино (Souvenir de Solferino) / Пер. с фр. С.Н. Норман / Под ред. А.П. Плетнева / Репринтное воспроизведение текста 1904 г. Место вып. оригинального издания С.-Петербург, типография Исидора Гольдберга. / Вступительная статья Пьера Буассье. – М.: МККК, 2015. – 84 с.

Достоверное и трагическое повествование о ходе и последствиях кровавого сражения, произошедшего близ итальянского местечка Сольферино в 1859 г. Автор волею судьбы оказался свидетелем ужасных мучений огромного числа раненых. Движимый состраданием, он старался организовать для них оказание первой помощи силами добровольцев из числа местных жителей. Эти события перевернули всю жизнь Анри Дюнан, впоследствии ставшего одним из основателей Красного Креста. Книга, выдержавшая множество переизданий и переведенная на различные языки мира, адресована тем, кто интересуется историей Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца.

Репринт одного из первых изданий книги на русском языке.

УДК 355.48.(44)"1859.06.24"

ББК 63.3(4Фра)

© Международный Комитет
Красного Креста, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Пьер Буассье

Анри Дюнан. Вместо предисловия V

Анри Дюнан

Воспоминание о битве при Сольферино 1

Жан-Ари Дюнан (1863 г.) Фото Буассона, Женева.

Анри Дюнан¹
Вместо предисловия

«Гений редко торжествует без борьбы; он прокладывает себе путь, преодолевая тысячи препятствий; его подолгу не признают, на него яростно нападают, наконец, половина его современников часто просто отрицает его существование».

Ференц Лист

В июле 1887 г. швейцарскую границу пересек одинокий путешественник без багажа. Маленький поселок Хайден, куда направляется путешественник, возвышается над Боденским озером, и оттуда открывается дивный вид на окрестности. Дети, резвящиеся на площади, на какой-то миг отрываются от игры, провожая взглядом мрачноватую сгорбленную фигуру. Тяжелой походкой, выдающей крайнее утомление, незнакомец направляется к гостинице «Парадиз». Там он найдет себе пристанище за считанные гроши. Человек этот так беден, что в те дни, когда он отдает в стирку свое белье, он вынужден не покидать постели – ему не во что переодеться. У незнакомца седая борода, и с первого взгляда его можно принять за глубокого старика. На самом же деле в тот год, когда нищета и горе заставили его искать прибежище в этом отдаленном местечке, ему было всего пятьдесят девять лет. Его здоровье в плачевном состоянии: оно подорвано слишком тяжелыми и слишком долгими лишениями. Правая рука, пораженная экземой, так сильно болит, что он уже не может писать.

Он нездоров, душа его исполнена горечи и обиды. Деньги, по три франка в день, которые стали высылать ему родственники, потрясенные его бедственным положением, дали ему возможность найти приют в местной богадельне. Благодаря живому участию местного врача д-ра Альтхерра он снова обретает способность писать; в больших школьных тетрадах он начинает излагать историю своей жизни. Почерк его, по-началу четкий, постепенно становится все менее и менее разборчивым: дрожащей рукой пожилой человек пытается спасти от забвения свои идеи. Чего только не испытал он на своем веку: он пишет и о радостях, и о невзгодах; одного только нет в этих воспоминаниях – черствости и скуки.

Он часто вспоминает о своих врагах, которые преследовали его и которые, быть может, и сейчас разыскивают его, чтобы доставить ему новые мучения. Он ненавидит фарисеев и лицемеров. Если он умрет, он хочет быть «похороненным, как собака», – без каких бы то ни было церемоний, потерявших для него всякий смысл. В хайденской больнице он живет в палате под номером 12.

Когда удача идет тебе прямо в руки, надо суметь ухватить ее. Георг Баумбергер прекрасно знал эту истину. Какая потрясающая находка для молодого журналиста! Ему стало известно, что Анри Дюнан, основатель Красного Креста, до сих пор жив. Ну и новость! Все думали, что он давным-давно умер. Вот уже много лет никто не вспоминает это имя. И вдруг выясняется, что он ведет жизнь

¹ P. Boissier. *Henry Dunant. Geneve, Institut Henry-Dunant, 1974*

отшельника в одной из деревень немецкой Швейцарии. Баумбергер немедля отправляется на поиски этого человека. В хайденской больнице его ведут к двери палаты № 12...

Сначала седой патриарх колеблется: стоит ли раскрывать душу перед этим любопытным журналистом? Но вдруг – словно не в силах вынести груз воспоминаний – он начинает говорить. Голос его немного надтреснут, опущенные веки скрывают взор – но сколько огня, сколько внутреннего волнения в этом человеке, решившемся поведать миру о своей судьбе – поистине уникальной и неповторимой.

Статья Баумбергера становится настоящей сенсацией. Перепечатанная целым рядом газет, она за несколько дней обходит всю Европу.

В том 1895 году о Красном Кресте уже знает весь мир. После Европы Движение распространяется и в Америке, Африке, Азии; уже в 37 странах действуют национальные общества Красного Креста, среди которых есть много сильных организаций, владеющих собственными больницами, школами, санитарными поездами. Красный Крест уже сказал свое слово в ходе 38 вооруженных конфликтов, доказывая на деле, что взятые им в качестве девиза слова: «Inter Arma Caritas» («Милосердие на поле брани») не столь парадоксальны, как может показаться с первого взгляда. Сотни тысяч раненых, которые умерли бы, брошенные всеми на полях сражений, вернулись к жизни благодаря Красному Кресту. Женевская конвенция об обращении с ранеными подписана 42 государствами, и юристы начинают осознавать, что это один из наиболее крепких бастионов международного права. Как же велик контраст между размахом такой деятельности и этим нищим стариком, фигура которого неожиданно выходит из тени! Неужели именно он стоял у истоков всего этого?

Несколькими месяцами позже, 8 мая 1896 г., мир торжественно отмечает 68-летие Дюнана; это самый настоящий апофеоз. Со всех концов земли в его адрес поступают послания, полные восторга и восхищения. Он получает письмо, собственноручно написанное папой римским, ему пишут многие другие выдающиеся деятели того времени. Он получает осязаемые свидетельства благодарности, которую питает к нему весь мир. В Германии организуется подписка в его пользу.

Тысяча делегатов съезда российских врачей присуждают ему Московскую премию за служение страждущему человечеству. На помощь ему приходят Швейцария и некоторые другие государства. Целый ряд обществ Красного Креста и благотворительных учреждений принимают его в свои ряды, выбирают почетным членом и даже почетным председателем.

За считанные дни к Дюнану возвращается былая известность.

Равнодушный к славе, он закрывает свои двери перед именитыми гостями, отказывается принимать праздных посетителей и с тем же пылом, что и много лет назад, бросается в бой за создание международного суда, за разоружение и мир.

Европа вновь взволнована его призывами. В 1901 г. норвежский парламент присуждает ему первую Нобелевскую премию мира.

Вторым лауреатом премии в том году становится старый соратник Дюнана – великий пацифист Фредерик Пасси.

Но Дюнан знает истинную цену почестям. Он делает все необходимое, чтобы передать эту огромную сумму, ничего не оставив себе, на благотворительную деятельность в Швейцарии и Норвегии. Он пишет пророческие страницы

о «кровавом будущем», ожидающем мир в XX веке; изредка беседует с детьми и принимает немногих друзей.

Он умирает 30 октября 1910 г. – в тот же год, что и два других великих человека, которыми он так восхищался: Флоренс Найтингейл и Лев Толстой.

Анри Дюнан родился 8 мая 1828 г. в Женеве. Этот город и добропорядочная буржуазная среда, из которой он происходил, научили его обходительности, открытости по отношению к миру и дали строгое протестантское воспитание.

Как напишет впоследствии Дюнан в своих воспоминаниях, большое влияние оказала на него мать – сестра известного физика Даниэля Колладона. «Гуманитарная деятельность такого широкого, поистине всемирного масштаба не возникает случайно, по воле обстоятельств. Нужно, чтобы до начала работы для нее было соответствующим образом подготовлено орудие».

Мать воспитала его в духе «сострадания по отношению к несчастным, обремененным, униженным, угнетенным. С 18 лет Дюнан посвящает свой досуг посещению бедняков, больных, умирающих – он приносит им помощь и утешение. В возрасте 20 лет он начинает посещать женевскую тюрьму: каждое воскресенье в послеобеденные часы он приходит к заключенным и читает им вслух книги по истории, рассказы о путешествиях, научно-популярную литературу. Одним словом, еще задолго до того, как Дюнан посвятил свою жизнь попечению о солдатах, раненных на полях сражений, он начал заботиться о тех, кто был изранен тяжелой судьбой в мирное время».

Его отец, Жан-Жак Дюнан, negociant и судья по делам опеки, учит мальчика быть расчетливым, но в то же время стремиться к добру. Окончив колледж, Дюнан поступает стажером в банк. Но в 1849 г., воодушевленный духом протестантского религиозного возрождения² и горячей личной верой, вступает в молодежную группу Свободной церкви; ведет переписку с подобными же группами в Англии, Франции, Германии, Голландии и США. Вскоре он начинает задумываться об организации международного экуменического движения; в 1855 г. Дюнан и его друзья, собравшиеся в Париже по случаю проведения Всемирной выставки, основывают Всемирный альянс христианских союзов молодых людей, известный в дальнейшем как ИМКА.

Как только предоставляется возможность, Дюнан покидает Женеву. Он отправляется на поиски удачи в Алжир, покоренный за двадцать лет до того войсками Луи-Филиппа. Эта земля, открытая для предпринимательства, тотчас же очаровывает его. Он объезжает весь Алжир, открывая в себе проникательного наблюдателя. Добравшись до Туниса, он пишет об этой стране книгу, скромно озаглавленную «Заметки о Тунисском регентстве»³. Уже в этой работе начинает проявляться его живое перо. Дюнан внимательно изучает ислам и – в отличие от большинства христиан того времени – начинает относиться к этой религии,

² Протестантское религиозное возрождение – совокупность религиозных движений, основным центром которых была Женева. Они ознаменовали обновление протестантских общин франкоязычных стран (Франция, Швейцария) в начале XIX века. – Прим. пер.

³ Тунисское, Алжирское, Триполитанское регентства («берберские регентства») – так называли в Европе XVI–XIX веков мусульманские государства Северо-Западной Африки. – Прим. пер.

которую тогда называли языческой, с величайшим уважением, во многих случаях не скрывая своего восхищения ею. Он даже начинает брать уроки арабского языка, не жалея сил на выполнение сложных упражнений по каллиграфии. Более того, он понимает, что успел по-настоящему полюбить живущих там людей, и решает организовать на алжирской земле, неподалеку от города Мон-Джемиля, большое сельскохозяйственное предприятие, на котором алжирские рабочие были бы счастливы и получали хорошее жалование.

К сожалению, инициатива Дюнана наталкивается на глухое сопротивление властей предрержащих. Между тем Акционерное общество мельниц Мон-Джемиля, которое Дюнан основывает в 1858 г., обладает всем необходимым для успешной деятельности: по зрелом размышлении выбрано подходящее место, имеется достаточно большой капитал, сама мельница оборудована по последнему слову техники. Остается, казалось, сущий пустяк – получить земли, на которых будет выращиваться хлеб... Однако бюрократические органы, ведающие вопросами землепользования, остаются глухи к просьбам молодого предпринимателя. Тщетно Дюнан обивает пороги различных ведомств – его усилия не приводят ни к каким результатам. Отказываясь смириться с поражением, он отправляется в Париж и начинает «осаду» министерств, но снова получает уклончивые ответы – Дюнан опять сталкивается с бюрократическими проволочками...

Куда идти теперь? Дюнан понимает, что выше этих министерств остается только одна инстанция – сам император. Увы! Наполеон III находится сейчас очень далеко от дворца Тюильри. Вступившись за Италию, ведущую войну за независимость, он отправился во главе французских войск сражаться с австрийской армией, которой командует молодой император Франц-Иосиф.

Что ж, Дюнан готов и сам отправиться в Ломбардию!

К тому времени, когда он наконец добирается до этой страны, ставшей театром военных действий, уже успевают отгреметь несколько крупных боев: при Монтебелло, Палестро, Мадженте; все понимают, что скоро должно состояться решающее сражение.

И вот 24 июня 1859 г. неподалеку от местечка Сольферино это сражение началось: таких кровавых битв Европа не знала со дня Ватерлоо. Дюнан находится совсем рядом. Из своего экипажа, несущегося по дорогам Ломбардии, он отчетливо слышит звуки канонады. Всего через несколько минут ему суждено увидеть то, что в корне изменит всю его жизнь.

Сгущаются сумерки. Дюнан добирается до Кастильоне. В городке царят сумятица и неразбериха, он весь заполнен солдатами, ранеными в страшной битве. Девять тысяч человек лежат на улицах, площадях, в церквях. Вот она – встреча с ужасами войны, внезапная и жестокая.

Ошеломленный Дюнан выходит из экипажа. Обойдя весь город, он поднимается по дороге, ведущей к главной церкви – Кьеза Маджоре. Вдоль всего склона, по желобу, предназначенному для стока дождевой воды, непрерывным потоком в течение многих дней струится человеческая кровь...

Дюнан заходит в церковь. Повсюду лежат раненые. Одни тихо стонут или уже безучастны ко всему, другие кричат от боли. В нефе церкви роятся тучи мух, все пропитано вонью испражнений и гниющей человеческой плоти.

У Дюнана нет никаких медицинских знаний. Он пытается промыть раны, наложить, как умеет, повязки и поудобнее устроить раненых, лежащих вповалку на голом полу. Несчастных мучит жажда. Дюнан спешит к фонтану и приносит им воды. Он выслушивает последние желания умирающих, старается утешить их на пороге смерти. Он просит нескольких местных женщин помочь ему. Поначалу они боятся ухаживать за ранеными французами: вдруг возвратятся австрийцы и сурово покарают за помощь солдатам врага. Но Дюнан удается убедить их в том, что перед лицом страданий все равны и сейчас ничто иное не имеет значения. Вскоре они начинают повторять вслед за ним: «Tutti Fratelli» («все мы – братья»).

Но вместе с состраданием в сердце Дюнана растет и другое чувство: негодование. На устах всех этих раненых, от которых он не отходит ни на шаг ни днем ни ночью, одни и те же горькие слова: «Что же это происходит, сударь? Мы честно сражались, а теперь... Теперь нас бросили на произвол судьбы».

Именно это и потрясает Дюнана больше всего: эти люди брошены! Всего лишь несколько повозок, запряженных мулами, посланы на поле боя. Они могут забрать очень немногих раненых. С наступлением темноты на поле боя появляются мародеры и без малейшего стеснения срывают с несчастных одежду. Этим солдатам суждено умереть от истощения и жажды. Тем, кому удалось – своими силами или с помощью сердобольных товарищей – добраться до близлежащего городка, где они надеялись получить помощь, повезло не намного больше. Дюнан может заявить об этом с полным правом. В Кастильоне на девять тысяч раненых – всего шесть французских военных врачей. И это не какая-то случайность: к своему ужасу Дюнан узнает, что так бывает всегда. Причина этого чудовищного несоответствия в том, что санитарная служба армии столь малочисленна, что едва ли можно всерьез говорить о ее существовании... Солдат, потерявший способность сражаться, никому уже больше не нужен.

Деловая поездка начинающего предпринимателя Анри Дюнана потерпела полный провал. Встреча с Наполеоном III, которой он так искал, не состоялась. По возвращении в Париж он снова включается в борьбу против инертности административных органов. Два года проходят в томительных ожиданиях в министерских приемных. А что же Кастильоне? Стерлось из памяти? Нет. Картины человеческих страданий, невольным свидетелем которых он стал, постоянно преследуют Дюнана; он смутно чувствует, что должен сделать что-то еще... И вдруг он оставляет все свои дела, возвращается в Женеву, запирается в своей комнате. Словно повинувшись какой-то необоримой силе, он пишет книгу «Воспоминание о битве при Сольферино».

Он делает все, чтобы рассказать правду о той стороне войны, которую, как правило, стараются тщательно замалчивать. Он хочет поделиться своим потрясением с читателями. Он готов провести их вслед за собой «за кулисы» полей сражений – сквозь зловоние и кровь. И книга удалась. Более того: из-под пера Дюнана выходит настоящий шедевр, одно из лучших произведений натуралистической школы. В дневнике братьев Гонкуров, обычно щедрых на язвительные замечания, записано:

«Эти страницы наполнили мою душу волнением. Высокие чувства, которыми книга проникнута, касаются сокровенных струн сердца. Она прекраснее, в тысячу раз прекраснее, чем Гомер, чем «Анабасис» Ксенофонта, прекраснее всего. <...> Эта книга заставляет проклясть войну».

Дюнан проклинал войну более страстно, чем кто бы то ни было. И невозможно читать его повествование, не разделяя чувств автора. Но цель Дюнана была не в этом. Он хотел показать всему миру, как это страшно, как жестоко призывать солдат в армию, заставляя их переносить невероятные тяготы и лишения, идти в бой, презирая опасность, для того чтобы потом, когда пули неприятеля выведут их из строя, оставить их умирать, как собак.

Он обращается к мировой общественности с призывом:

«Это должно быть воззвание, с которым надо обратиться к людям всех стран и сословий, к сильному миру и к простым ремесленникам... Это воззвание должно быть адресовано в равной степени мужчинам и женщинам... оно относится к генералу, филантропу, писателю...»

Дюнан выдвигает конкретные предложения:

«...В чрезвычайных случаях, когда собираются... главы военных ведомств разных национальностей, отчего бы им не воспользоваться такими собраниями, чтобы выработать какие-нибудь международные договорные и обязательные правила, которые, раз принятые и утвержденные, послужили бы основанием для создания Обществ помощи раненым в разных государствах Европы?..

...Цивилизованное человечество настоятельно требует создания организаций такого рода... Какой правитель откажет в своей поддержке таким обществам... Какое государство не захочет покровительствовать людям, старающимся сохранить жизнь его подданных?.. Какой офицер, какой генерал... Какой военный интендант, какой главный хирург...

...Отчего нельзя создать в мирное время общества, которые во время войны оказывали или организовывали бы помощь раненым и осуществляли бы за ними уход? <...> Отчего не воспользоваться сравнительно мирным и спокойным временем для того, чтобы обсудить вопрос первостепенной важности с точки зрения и человечности, и христианства?»

Итак, вопрос был поставлен.

Бесчисленные письма, приходящие со всех концов Европы, показывают Дюнану, что ему удалось задеть романтическую струну, столь чуткую в душах европейцев середины XIX столетия. Однако их женеvский адресат полагает, что недостаточно просто лить слезы.

Гюстав Муанье лишь немного старше Дюнана. В 1862 г., когда выходит в свет «Воспоминание о битве при Сольферино», ему исполнилось тридцать шесть. Будучи неустанным тружеником, этот юрист решил посвятить свою жизнь тому, чтобы его ближние жили лучше. Он серьезнейшим образом изучает социальные вопросы, увлечен общественной работой, в частности является председателем Общества поощрения общественного блага, снискавшего всеобщее уважение.

Прочитав «Воспоминание о битве при Сольферино» и полностью согласившись с выводами автора, Муанье решает действовать. Он наносит визит Дюнану. Эти два человека дополняют друг друга, являя вместе с тем совершенную противоположность. Им так и не суждено достигнуть полного взаимопонима-

ния. Вместе с тем им удастся сойтись на самом важном: в Женеве нужно организовать небольшой комитет, который займется претворением в жизнь идей Дюнана.

Созданный в феврале 1863 г. Комитет состоит – как это мудро! – всего из пяти человек:

- генерал Дюфур, первый президент,
- Гюстав Муанье, человек, который впоследствии станет президентом Комитета и на протяжении полувека будет править им железной рукой,
- Анри Дюнан, секретарь,
- д-р Лун Аппиа, страстно увлеченный военной хирургией, и, наконец, д-р Теодор Монуар.

Эти пятеро жевевских граждан вскоре составляют план действий.

Как и Дюнан, они считают, что все страны должны создавать такие общества, которые располагали бы еще в мирное время «спасателями-добровольцами», подготовкой которых занялись бы сами эти общества, а также складами медицинских материалов, носилками, корпией. Как только вспыхнет война, эти общества смогут тотчас же отправиться на театры военных действий на подмогу малочисленным медицинским подразделениям армий своих стран.

Кажется, что все это просто. Но остается выяснить, согласятся ли правительства, штабы и интендантские службы терпеть присутствие гражданских лиц, этих «любителей», на полях сражений? Прежде всего нужно убедиться в этом.

Подобно тому, как кайзеру Вильгельму I (в чем он как-то признался, беседуя с русским царем) нелегко быть монархом при таком канцлере, как Бисмарк, Гюставу Муанье нелегко быть председателем Комитета при таком секретаре, как Дюнан. Дюнан убеждает его отважиться еще на одно рискованное предприятие.

Дело вот в чем: стараясь больше узнать о войне и беседуя со своим голландским другом д-ром Бастингом, Дюнан выясняет, что в тех случаях, когда военный врач оказывается между расположениями воюющих армий, неприятельские солдаты без малейших колебаний открывают по нему огонь. А почему, собственно говоря, они должны поступать иначе? Ведь ни что не указывает на отсутствие у этого военнслужащего иных целей, кроме помощи раненым. Если военный врач служит в пехоте, он носит мундир пехотного офицера, если в кавалерии – мундир офицера-кавалериста. Вполне законная мишень. В подобном же положении окажется любая неприятельская повозка: как только ее обнаружат, то попытаются уничтожить. В повозке раненые? Но из чего это следует? Или, допустим, на неприятельской территории, недалеко от линии фронта стоит какой-то дом, возле которого суетятся солдаты. Прекрасная мишень. Жаль, что нет никакой возможности узнать в нем военно-полевой госпиталь. Конечно, если бы неприятелю было известно, что находится в этих стенах, он не стал бы подвергать здание обстрелу. Действительно, зачем добивать этих несчастных, которые никому уже не могут причинить вреда?

Величайшая заслуга Дюнана в том, что ему удается найти способ покончить с этим положением – смертельно опасным и в то же время нелепым. Способ, который он предлагает, настолько прост, что все вокруг удивляются: как могло получиться, что до него никто не додумался раньше?! Все гениальное просто.

Для решения этой проблемы потребуется лишь одно: договориться о введении определенного опознавательного знака, общего для всех армий. Его будут носить врачи и санитары; он будет изображен на санитарных транспортах; он будет вывешен над лазаретами и полевыми госпиталями. Одним словом, эта эмблема будет отличать всех тех, кто, состоя в рядах вооруженных сил, не принимает никакого участия в военных действиях и, следовательно, не может быть подвергнут нападению. Этот знак явится своего рода табу, обеспечит неприкосновенность тому, кто будет его носить. Он предоставит им новый юридический статус, который Дюнан называет «нейтралитетом».

Это предложение столь необычно, что даже остальные члены Международного комитета принимают его весьма прохладно. Им кажется, что осуществить такой замысел им не по силам. Ведь для успеха задуманного нужно, чтобы правительства разных стран взяли на себя соответствующие взаимные обязательства, подписав договор в области международного права. Но ничего подобного еще не бывало. Конечно, существовало обычное право войны, существовали какие-то неписанные законы, но сама мысль о заключении составленного с соблюдением всех формальностей международного договора, регулирующего поведение воюющих на поле боя, казалась полностью неприемлемой. Разве война как таковая не есть нарушение права?

Но как переспорить Дюнана, тем более что на его стороне гуманность и логика?

Ему приходит в голову один очень простой способ: он лично рассылает письма всем властелинам Европы и приглашает их послать своих представителей на конференцию, местом которой назначена Женева, а датой – 26 октября 1863 г. Затем, в начале сентября, за собственный счет и несмотря на довольно сдержанное отношение к этому предприятию своих товарищей по Комитету, он отправляется на открывающийся в Берлине Международный статистический конгресс, чтобы использовать этот форум для распространения и объяснения своих идей, снять симпатии в международных кругах и «заняться агитацией». Именно в Берлине вместе со своим другом Бастингом Дюнан составляет циркулярное письмо, которое печатает на собственные средства и рассылает всем европейским правительствам: он просит их прислать делегатов на Женевскую конференцию. К предлагаемому Женевой соглашению Дюнан добавляет идею «нейтрализации»; под циркулярным письмом он ставит подпись: «Женевский комитет».

На приемах, проходивших в рамках конгресса, он встречается с официальными лицами, у которых буквально вырывает обещание ходатайствовать перед своими правительствами о направлении делегатов в Женеву. Его представляют королю, кронпринцу, кронпринцессе; все они уже прочитали его книгу и оказывают ему радушный прием. Затем Дюнан едет в Дрезден, в Вену, в Мюнхен, где его принимают король Саксонии Иоганн, эрцгерцог Райнер, военный министр Баварии и многие другие... Повсюду ему удается вызвать энтузиазм.

«Нацию, которая откажется поддержать эту идею, общественное мнение Европы заклеймит позором», – говорит ему Иоганн Саксонский. Какой невероятный успех!

20 октября Дюнан возвращается в Женеву. Комитет пяти реагирует на берлинский циркуляр весьма сдержанно. Муанье встречает его более чем прохладно: ему кажется, что идея Дюнана о «нейтрализации» по крайней мере преждевременна.

Однако на письмо приходят ответы, превосходящие все ожидания. 26 октября в Женеве открывается Международная конференция, которая полностью оправдывает надежды ее организаторов. Успех просто невероятный: в заседаниях принимают участие 18 представителей 14 правительств. Делегаты – военачальники, военные врачи, интенданты – поначалу признаются в том, что испытывают определенное недоверие к предложенному на их рассмотрение проекту, поскольку он кажется им слишком необычным, слишком дерзким. Но все согласны с тем, что медицинские подразделения вооруженных сил слишком малочисленны для выполнения своей задачи. Они допускают, что организованные должным образом общества, занимающиеся соответствующей подготовкой еще в мирное время, могли бы сослужить хорошую службу и спасти жизнь очень многим. Наконец, заразившись энтузиазмом организаторов, участники Конференции принимают Решение, содержащие следующие принципиальные положения:

«Ст. 1. Каждая страна должна иметь комитет, чья обязанность состоит в том, чтобы, в случае войны и если возникнет такая необходимость, оказывать помощь санитарным службам вооруженных сил все-ми имеющимися в его распоряжении средствами.»

Ст. 5. Во время войны комитеты воюющих государств оказывают помощь вооруженным силам своего государства, насколько позволяют имеющиеся у них средства, в частности, они организуют добровольный персонал и приводят его в состояние готовности, а также по согласованию с военными властями заблаговременно подготавливают помещения для ухода за ранеными.»

По каким признакам можно будет узнать этих добровольных помощников? Как можно отличить их от обычных гражданских лиц? Заглянем еще раз в Решение:

«Ст. 8. Такой персонал во всех странах носит единообразный отличительный знак – белую нарукавную повязку с красным крестом.»

А как же «нейтрализация», о которой так мечтал Дюнан?

Вот вторая из трех рекомендаций, принятых на Конференции:

«Во время войны воюющие государства должны провозглашать нейтралитет санитарных повозок и военных госпиталей, а также полностью и совершенно нейтральными должны быть признаны официальный санитарный персонал и добровольный медицинский персонал, жители страны, приходящие на помощь раненым, и сами раненые.»

Запомним день, когда был подписан этот важнейший документ: 29 октября 1864 г. Это день рождения Красного Креста.

Менее чем через два месяца после этого события «Международный комитет по оказанию помощи раненым» – так отныне именуется Комитет пяти – с радостью узнает о создании первого Общества помощи: его родиной стал Вюртемберг. События начинают развиваться очень быстро. Менее чем за год появилось на свет десять новых обществ: в герцогстве Ольденбургском, в Бельгии, Пруссии, Дании, Франции, Италии (в Милане), Мекленбурге, Испании и Гамбурге.

Для Муанье принять какую-либо идею значит немедленно взяться за работу. И вновь они с Дюнаном начинают совместный труд. Муанье составляет текст договора. Что же касается Дюнана, то он снова показывает себя непревзойденным мастером в той области, которую сейчас назвали бы «связи с общественностью».

Но как добиться заключения такого договора? Классический путь – созыв дипломатической конференции. Увы, частные лица не могут этого сделать. Здесь уже не обойтись без участия правительства, которое направило бы приглашения. Такое правительство находится – это правительство Швейцарии, согласившееся взять на себя инициативу созыва конференции. Местом ее проведения выбран не Берн, швейцарская столица, а Женева – родина Красного Креста. Теперь нужно заняться созданием соответствующей атмосферы, пробудить к конференции интерес правительств, убедить их направить в Женеву дипломатических представителей, должным образом уполномоченных подписать новый дипломатический документ. За это берется Дюнан. Германия уже в большой мере приняла его взгляды, теперь на очереди Франция. И снова Дюнан на высоте: ему удается сделать своим союзником французского министра иностранных дел Друэна де Люиса. Вскоре французские послы получают указание довести до сведения правительства, при которых они аккредитованы, что император Наполеон III лично заинтересован в придании нейтрального статуса медицинским подразделениям. Этого оказывается достаточно, чтобы остальные европейские государства заняли такую же позицию.

На Конференцию, открывшуюся 8 августа 1864 г., съезжаются представители 16 правительств. Все они уже успели ознакомиться с документами, подготовленными Международным комитетом, и, как становится понятно с самого начала, стремятся к успешному завершению переговоров. Проект договора, составленный Муанье, очень хорош, он вызывает у участников лишь незначительные замечания. Всего несколько дней уходит у полномочных представителей, собравшихся в старинной женеvской ратуше, на принятие окончательного варианта. Вот некоторые отрывки из этого текста:

«Ст. 1. Походные лазареты и военные госпитали будут признаваться нейтральными и на этом основании почитаться неприкосновенными и пользоваться покровительством воюющих сторон во все время, пока в них будут находиться больные или раненые.

Ст. 2. Право нейтральности будет распространяться на личный состав госпиталей и походных лазаретов, включая части интендантскую, врачебную, административную и перевозочную для раненых, а также включая священнослужителей, когда они будут в действии и пока будут оставаться раненые, коих требуется подобрать или оказать им помощь.

Ст. 7. Для госпиталей и походных лазаретов и при очищении таковых будет принят особый, для всех одинаковый, флаг. Он должен во всех случаях быть поставлен вместе с флагом национальным.

Равным образом для лиц, состоящих под защитой нейтралитета, будет допущено употребление особого знака на рукаве, но выдача одного будет предоставлена военному начальству.

Флаг и знак на рукаве будут белые с изображением красного креста».

Итак, снова предметом переговоров становится эмблема Красного Креста. Еще год назад она служила всего лишь опознавательным знаком для добровольцев, объединенных в Общества помощи раненым.

Теперь она обрела новое значение. Она предоставляет тем людям, которые ее носят, транспортным средствам, которые снабжены ею, зданиям, которые ею

отмечены, особый статус. Она защищает их в силу положений торжественного соглашения, заключенного между державами, – Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны, подписанной 22 августа 1864 г.

Запомним и эту дату. Ведь эта маленькая Конвенция, состоящая всего из десяти статей, знаменует новый этап в истории человечества. С нее начинается все договорное право войны, а также все гуманитарное право. Именно этот документ лежит в основе Гаагских и, что еще более очевидно, Женевских конвенций.

Если Дюнан и не принимает официального участия в последующих международных конференциях, за исключением Парижской конференции 1867 г., на которой он соглашается выступить с докладом о положении военнопленных, он продолжает неустанно бороться в одиночку, наперекор всем ветрам, за дальнейшее распространение своих идей, за предоставление защиты военнопленным, раненым и потерпевшим кораблекрушение из состава военно-морских сил, и даже некоторым категориям гражданских лиц путем принятия соответствующих дипломатических конвенций или международных договоров. Если бы не Дюнан, неизвестно, сколько времени ушло бы на это!

Именно тогда между членами женевского Комитета обостряются разногласия; в адрес Дюнана раздаются упреки, отвечать на которые он считает унизительным; Муанье теряет к нему доверие. Не в силах выносить такую обстановку, 29 мая 1864 г., еще до открытия Конференции, Дюнан посылает Муанье письмо следующего содержания:

«Милостивый государь, мне кажется, что я уже сделал все, что мог, для успеха нашего дела, сейчас я желаю полностью отойти от него. Прошу вас впредь не рассчитывать на мое деятельное участие: я снова уйду в тень. Дело начато, я был всего лишь орудием в руках Божьих, теперь наступило время более умелых работников, нежели я сам, – пусть начатое продолжат они».

Муанье отказывается принять отставку Дюнана, и тот уступает его настоятельным просьбам. До 1867 г. он продолжает исполнять обязанности секретаря Международного комитета.

В июне 1866 г. начинается война между Пруссией и Австрией. Старую Австрийскую империю отличает величественная медлительность: в Вене до сих пор не открыто Общество помощи раненым воинам; правительство до сих пор не присоединилось к Женевской конвенции. В Пруссии дела обстоят иначе. Общества Красного Креста там великолепно организованы, Женевская конвенция известна всем. Вскоре разница станет очевидной. В одной армии медицинская служба не справляется со своими задачами, в другой – на помощь военным врачам и санитарам приходят многочисленные прекрасно подготовленные и отлично оснащенные бригады. Прусское правительство скрупулезно соблюдает нормы Женевской конвенции, не требуя, чтобы противник поступал так же. Результат – спасенные человеческие жизни. Он так красноречив, что еще до окончания этой войны, длившейся семь недель, Австрия присоединяется к Женевской конвенции.

Победоносная армия, вернувшаяся из Богемии, с триумфом вступает в Берлин. Город охвачен ликованием. Армия проходит маршем под триумфальными арками

и флагами. В королевской ложе, на фоне ярких мундиров, выделяется фигура в черном сюртуке: это Анри Дюнан. Он прибыл в столицу Пруссии по приглашению королевы Августы, которая лично ухаживала за ранеными и своими глазами видела благотворные последствия работы, проводимой под знаком Красного Креста.

Вечером Дюнан – гость королевской семьи. Вильгельм I выражает ему свое восхищение; кайзер говорит о том, какое важное значение придает он Женевской конвенции.

Двумя днями позже Дюнан снова приглашен во дворец. В его честь сама королева надевает на руку повязку с красным крестом. После ужина она долго беседует с Анри Дюнаном. Ее Величество вспоминает, какое впечатление произвела на нее книга «Воспоминание о битве при Сольферино»; она говорит, что считает себя ученицей Дюнана: именно поэтому, невзирая на опасность холеры, она взялась ухаживать за ранеными. Счастью Дюнана нет предела. Вот награда за его труды. Мог ли он предположить, что начатое им дело получит когда-нибудь столь лестную оценку? Это триумф. Но с вершины Капитолия всего два шага до Тарпейской скалы.

Некоторые предприятия развиваются вполне благополучно, как бы сами собой. К сожалению, Акционерное общество мельниц Мон-Джемиля не относилось к их числу; те четыре года, которые его директор посвятил спасению раненых воинов, явно не пошли ему на пользу. Оно находится в полном расстройстве, и чтобы разрушить его, достаточно одного толчка. Таким толчком стало банкротство «Кредит Женевуа» – банка, одним из членов правления которого был Дюнан. Случилось это в 1867 г. Коммерческий суд выносит суровый приговор правлению лопнувшего банка. Но имени Дюнана там нет. Еще через год гражданский суд второй инстанции осуждает всех членов правления, но отвечать приходится одному Дюнану, поскольку он обвинен в том, что «преднамеренно ввел в заблуждение» своих сотрудников.

Неожиданно Дюнан оказывается полностью разорен, на нем почти миллионный долг! Ужасное известие застает его в Париже. В родной город он уже не вернется.

Впоследствии Дюнан расскажет, какую нищету довелось ему испытать: он спит на скамейках в городских парках и в залах ожидания на вокзалах. Когда он проходит мимо булочных, желудок сводит от голода. Его носки протерлись до дыр, и он красит пятки тушью.

И, однако, именно в это время императрица Евгения приглашает его во дворец Тюильри: она высказывает пожелание распространить действие Женевской конвенции на вооруженные силы на море. Дюнан же выступает и за облегчение участи военнопленных.

Что касается Международного комитета, то, едва прослышав о финансовых неприятностях Дюнана, его члены начинают сильно беспокоиться. Уже летом 1867 г., еще до приговора суда первой инстанции, Муанье ищет пути избавиться от Дюнана. 25 августа, в дни, когда проходят конференции обществ Красного Креста, приуроченные к Всемирной парижской выставке, Дюнан пишет матери:

«Я прошел мимо г-на Муанье, он тоже не подошел ко мне; так что мы с ним не виделись и не разговаривали».

И все же во время первого же заседания Дюнан был торжественно объявлен почетным членом Комитетов Красного Креста Австрии, Голландии, Швеции, Пруссии и Испании! Вместе с Гюставом Муанье и генералом Дюфуром он был награжден золотой мелалью Всемирной выставки.

Желая опередить своих недоброжелателей, 25 августа Дюнан пишет в Международному комитету письмо, которое Гюстав Муанье зачитывает в ходе заседания 8 сентября; Дюнан подает в отставку с поста секретаря Комитета. Решение принимается незамедлительно:

«Сообщить ему, что не только принимается его отставка, но и что он не является более членом Комитета».

Так сурово осуждалось в конце прошлого века банкротство. Так дорого приходилось платить за него в городе Кальвина.

1870 г. Война между Францией и Пруссией.

Финансовое положение Дюнана ненамного лучше. Какими же усилиями, каким чудом удастся ему выбраться из небытия? Кто знает! Но он снова появляется там, где нужно помогать раненым.

Как мы помним, Дюнан уже имел однажды довольно продолжительную беседу с императрицей Евгенией, которая вызвала его 7 июля 1867 г. во дворец Тюильри, чтобы сообщить о своем желании «распространить статус нейтралитета, провозглашенный Женевской конвенцией, на раненых моряков, потерпевших кораблекрушение военнослужащих, а также на предназначенные для оказания им помощи суда флотов всех стран и их личный состав».

20 августа 1870 г. Дюнан пишет императрице, сообщая ей о своей новой идее, которая могла бы послужить дальнейшему развитию положений Женевской конвенции:

«Не считает ли Ваше Императорское Величество чрезвычайно уместным предложить Пруссии придать нейтральный статус некоторым городам, куда можно было бы направлять раненых. В этом случае последние оказались бы защищенными от опасностей боевых действий».

Предложение Дюнана остается без последствий. Но идея высказана, и в дальнейшем воюющие стороны во многих случаях будут достигать соглашений об установлении таких зон безопасности, в границах которых смогут находить убежище раненые и беженцы.

Тем временем неустанные хлопоты Дюнана приводят к тому, что французское правительство, начавшее забывать о Женевской конвенции, решает опубликовать ее текст. Но больше всего усилий предпринимает Дюнан в интересах раненых. Он деятельно участвует в снаряжении походных лазаретов, которые французское Общество помощи раненым отправляет на поля сражений. Как некогда в Кастильоне, он посещает раненых, доставленных в Париж, и старается утешить их. По его предложению в употребление вводятся опознавательные медальоны, что позволяет легче устанавливать личность погибших. Он пытается добиться признания статуса воюющих за формированиями жандармерии, участвующими в боевых действиях, которые, как он говорит, «одеты не в военную форму, а в простые блузы, и поэтому их могут попросту расстрелять как

крестьян, незаконно носящих оружие». Таким образом он пытается добиться предоставления защиты уже и партизанам.

Во время Парижской коммуны Дюнан проявляет не только милосердие, но и отвагу. С невероятным хладнокровием вырывает он из рук коммунаров многочисленных жертв. Опасаясь, что версальцы будут чрезмерно жестоки, он с риском для жизни переходит линию фронта и обращается непосредственно к Тьеру.

Между тем он вызывает подозрения. Кто этот человек? Немецкий шпион? А может быть, член «Интернационала» и его следует арестовать, отправить в тюрьму, расстрелять? На такие мысли наводит сходство выражений «интернациональная деятельность» Красного Креста и «Интернационал трудящихся». Полиция не собирается вдаваться в такие тонкие различия!

Война окончена. Дюнан, до глубины души возмущенный трусостью и эгоизмом, свидетелем которых ему довелось стать, снова влечит нищенское существование. Дон Кихот без Росинанта и оруженосца, он видит перед собой огромные перспективы. Его ум полон проектов мирового масштаба; он размышляет о том, каким бы стал этот мир, если бы все конфликты рассматривались международными инстанциями – на основе международного права, перед высоким арбитражным судом. Но, для того чтобы мечта стала реальностью, нужно просвещать людей, готовить их к восприятию новых идей, направлять общественную мысль на созидание мирного будущего.

В 1866 г. Дюнан начинает осуществление своего проекта создания международной библиотеки, однако вернуться к нему не удается. Первые публикации из этой серии начали выходить в 1869 г., но тут разразилась война. Единственное, что остается Дюнану, это чек на 100 тысяч франков, к которым он так и не приронется:

*И время, и силы потеряны зря,
Но мысль была все же прекрасна...*

Не подобный ли замысел лег впоследствии в основу деятельности ЮНЕСКО?

Потерпев неудачу с созданием библиотеки, Дюнан не падает духом – он становится поистине «странствующим проповедником» двух других грандиозных идей, которые не дают ему покоя по крайней мере с 1866 г.: это «переселение еврейского народа в Палестину» и защита военнопленных. Его «палестинская» программа, отмеченная реализмом, с одной стороны, и поистине пророческим видением проблемы – с другой, настолько опережает свою эпоху, что остается не понятой современниками. И лишь сионисты оценят мысль Дюнана по достоинству, в 1897 г. на первом сионистском конгрессе в Базеле его заслуги будут отмечены Теодором Герцлем.

Сегодня на холмах Иерусалима, в роще, посаженной в память о тех, кто многое сделал для человечества, растет и дерево Анри Дюнана. Но как далеки от осуществления многие из его идей! А ведь они, несомненно, могли бы послужить основой для решения ближневосточных проблем.

Военнопленные? Их судьба волнует его с 1863 г., еще до Дипломатической конференции; в 1867 г. он выступает с докладом на Парижской конференции. Его усилия остаются безрезультатными. Но Дюнан снова включается в борьбу,

основывая в Париже специальный комитет. В июне 1872 г. он пишет родственникам из французской столицы:

«О, если б они только знали, сколько мне приходится трудиться, какие муки, тревоги, волнения приходится мне испытывать, если б они знали, в какой беспросветной нужде я живу... И вот я назначен председателем Постоянного международного комитета, созданного для подготовки Конвенции об участии военнопленных во всех цивилизованных государствах».

В Париже его выслушать не готовы, – что ж, Дюнан едет в Лондон! Во время публичной лекции, с которой он выступает в августе 1872 г., Дюнану от голода делается так плохо, что он не может даже закончить выступление. Но уже через несколько дней он снова выступает с новой лекцией, на этот раз в Плимуте. Тема лекции: международный арбитраж. Он излагает свой проект создания Верховного международного арбитражного суда. Семья брошено в землю...

Так начинаются два года изнурительной работы, напряженной борьбы, новых лишений. Цель Дюнана – созвать новую дипломатическую конференцию, которая приняла бы документ об участии военнопленных. 31 декабря 1873 г., – *они очищают нас, подготавливая к Царству Божьему; но как же трудно их переносить – не по причине материальных лишений и попечений о завтрашнем дне, а из-за тех нравственных страданий, которые я испытываю при мысли о вас, о тех хлопотах, невзгодах, беспокойствах, которые выпадают на вашу долю из-за меня; я никогда не говорю об этом, но иногда мне начинает казаться, что я не в силах вынести этой скорби...»*

Созыву конгресса покровительствует русский царь. По его предложению Россия выступает в качестве приглашающей державы, а конференция проходит в Брюсселе в августе 1874 г. Однако Александр II и его министры стремятся использовать международный форум в несколько иных целях, чем Дюнан: царь хочет расширить круг обсуждаемых вопросов и выработать «общие положения, регулирующие международные отношения в военное время».

«Враждебное отношение Англии помешает заключению дипломатического соглашения между европейскими державами по этому предмету», – отмечает Дюнан. Тысячам и тысячам людей предстоит пройти через лагерь Первой мировой войны, прежде чем конвенция, о заключении которой мечтал Дюнан, будет, наконец, подписана в 1929 г.!

Дискуссии на конгрессе разворачиваются в основном вокруг права войны. Вот что пишет Дюнан о его результатах:

«На этой неделе конгресс завершит свою работу. Я постоянно сражался с Россией, потому что Россия желает регламентировать ведение войны, подразумевая, очевидно, что война – нормальное явление, которое будет существовать вечно; что же касается меня и Общества военнопленных (а также Общества раненых), то мы желаем ограничить неизбежные ужасы войны – этого лютото бедствия, которое грядущие поколения будут рассматривать как безумие».

Интуиция Дюнана так совершенна, что он не ошибается никогда. Да, будет создан арбитражный суд, да, будет подписана конвенция о военнопленных, да, евреи возвратятся в Палестину, да, шедевры мировой литературы будут переведены на все языки мира. Но как нелегко за это бороться!

Еще одна дата – и общественная жизнь Дюнана завершится. 1 февраля 1875 г. в Лондоне собирается международный конгресс, цель которого – «полное и окончательное запрещение торговли неграми и работорговли».

Конгресс создан Всемирным альянсом порядка и цивилизации, который был создан Дюнаном, сначала в Париже, а после войны 1870 г. в Лондоне. Защищая своих самых обездоленных братьев, Дюнан в последний раз вызывает к совести людей, заставляя их вспомнить о страданиях ближнего.

Начинаются годы скитаний: десять лет безысходной нищеты. Бездомный бродяга, он странствует пешком по дорогам Эльзаса, Германии, Италии. Он живет на милостыню, иногда за счет гостеприимства друзей. Один из них – г-жа Кастнер, которая вплоть до своей смерти в 1888 г. поддерживает его, невзирая ни на какие нападки и потоки клеветы, которые обрушиваются на этого человека даже после того, как он отходит от активной деятельности. Зависть и злоба преследуют его, словно фурии.

Потребуется еще немало времени, прежде чем ведущиеся сейчас серьезные исследования прольют свет на интеллектуальную деятельность Дюнана в этот период его жизни. Ограничимся пока что констатацией факта: в конце этого периода, в Хайдене, светлая мысль Дюнана достигает полной зрелости; это мысль гения, парящая над всеми битвами, чаяниями, превратностями своего века, чтобы предложить миру единственно возможный шанс выжить в тот момент, когда, пройдя сквозь горнила титанических войн XX века, этот мир осознает наконец свое единство, задумается о солидарности человеческого рода и встанет на путь созидания мирной жизни.

Какой удивительный путь: тридцать четыре года внутреннего приготовления, учебы, размышлений, незаметных трудов. Потом, с выхода в свет «Воспоминания о битве при Сольферино» и до банкротства «Кредит Женевуа» – пять лет славы и успеха. Затем наступают двадцать восемь лет нищеты, скитаний, отшельнической жизни. И наконец пятнадцать лет славы, в течение которых он так и не покидает палату хайденской больницы.

Анри Дюнан умирает 30 октября 1910 г. Не будем называть это концом, ведь сама жизнь свидетельствует, что о конце говорить здесь нельзя. Напротив, кажется, что Дюнан лишь обрел большую свободу, чтобы продолжать свой труд во всем мире. Он продолжает призывать новых последователей, служить примером, спасать тех, кто в беде. Поступок Дюнана повторяется ежедневно, по всей планете, там, где мужчины и женщины склоняются над страдающим человеком, не спрашивая его, откуда он и кому служит, а задавая ему один единственный вопрос: «Тебе нужна помощь?»

Пьер Буассье

Акри Дюжакъ.

(Henry Dunant. Основатель Краснаго Креста получившій премію Нобеля).

**Воспоминаніе о битвѣ
при Сольферино.**

(Souvenir de Solférino).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

С. Н. НОРМАНЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЛЕТНЕВА.

С.-Петербургъ.

1904.

Дозволено цензурою Спб., 6 Ноября 1903 г.

Воспоминаніе о Сольферино.

Кровавая побѣда Мажента открыла доступъ въ Миланъ французской арміи и довела до высшаго предѣла воодушевленіе итальянцевъ; Павія, Лоди, Кремона съ восторгомъ встрѣчали избавителей; австрійцы оставили линіи Адды, Оглю, Кіезы и, желая вознаградить себя блестящей побѣдой за понесенныя пораженія, стянули значительныя силы на берегахъ Минчіо, подъ командованіемъ молодаго, отважнаго императора австрійскаго.

17 іюня король Викторъ-Эммануиль прибылъ въ Брессію, гдѣ его радостно встрѣтило населеніе, болѣе десяти лѣтъ находящееся подъ гнетомъ и видѣвшее въ сынѣ Карла-Альберта и спасителя и героя.

На другой день императоръ Наполеонъ торжественно въѣхалъ въ тотъ же городъ, привѣтствуемый безумнымъ восторгомъ всего народа, выражавшаго благодарность монарху, который хотѣлъ возвратить ему свободу и самостоятельность.

21 іюня императоръ французовъ и король Сардиніи въѣхали изъ Брессіи, откуда ихъ войска выступили наканунѣ; 22-го, Лонато, Кастенедоло и Монтекіаро были заняты; 23-го вечеромъ, императоръ-главнокомандующій отдалъ приказъ войскамъ короля Виктора Эммануила, расположеннымъ въ Дезенцано и составляющимъ лѣвый флангъ соединенной арміи, выступить 24 утромъ въ Паццоленго; Маршалъ Баргвей д'Иллие долженъ былъ идти на Сольферино, Маршалъ, герцогъ Мажента—на Кавріану, генераль Ніель на Гидицолло и маршалъ Канраберъ на Медоль; императорская гвардія была направлена на Кастиліоне. Все это войско составляло наличность въ сто пятьдесятъ тысячъ человѣкъ при четырехъ-стахъ орудіяхъ.

Австрійскій императоръ располагалъ въ Ломбардіи девятью корпусами, составляющими двѣсти пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, такъ какъ его наступательная армія усилилась

еще гарнизонами Вероны и Манту. По совѣту фельдцейг-мейстера, барона Гессъ, императорскія войска послѣдовательно отступали отъ Милана и Брешии съ цѣлью сосредоточить между Адиджемъ и Минчіо всѣ военныя силы, которыми располагала тогда Австрія въ Итали; но наличность боевой арміи составляли только семь корпусовъ, или сто семьдесятъ тысячъ человѣкъ при пяти стахъ орудіяхъ.

Главная императорская квартира была переведена изъ Вероны сначала въ Виллафранку, а потомъ въ Валеджіо и войскамъ отданъ былъ приказъ снова перейти Минчіо у Пескьеры, Саліонцы, Валеджіо, Ферри, Ганто и у Манту. Центръ арміи расположился отъ Поццоленго до Гвидицолло, чтобъ атаковать, предводительствомъ опытнѣйшихъ генераловъ и фельдмаршаловъ, соединенныя франко-сардинскія войска между Минчіо и Кіезой.

Австрійскія военныя силы подъ командой императора, составляли двѣ арміи. Первая, съ фельдцейгмейстеромъ графомъ Вимпфенъ во главѣ, имѣя въ своемъ распоряженіи корпуса, которыми командовали лейтенанты-фельдмаршалы князь Эдмондъ де-Шварценбергъ, графъ Шаффготте и баронъ де-Вейгль, а также кавалерійская дивизія графа Зедвица составляла лѣвый флангъ; она заняла позиціи въ окрестностяхъ Вольты, Гвидицолло, Медолы и Капель-Гоффредо. Вторая армія, которой командовалъ генералъ отъ кавалеріи графъ Шликъ, имѣя въ своемъ распоряженіи корпуса подъ начальствомъ лейтенантъ-фельдмаршаловъ графа Клямъ-Галла, графа Стадіона, барона де-Цобель и кавалера де-Бенедекъ и кавалерійскую дивизію графа Менсдорфа, составляла правый флангъ; она заняла Кавріану, Сольферино, Поццоленга и Санъ-Мартино.

Слѣдовательно, всѣ возвышенности между Поццоленго, Сольферино, Кавріана и Гвидицоло были заняты 24 іюня утромъ австрійцами; они расположили сильную артиллерію на цѣломъ рядѣ пригорковъ, составляющихъ центръ громадной наступательной линіи; такимъ образомъ, правый и лѣвый фланги находились подъ прикрытіемъ этихъ сильно укрѣпленныхъ возвышенностей, которыя австрійцы считали неприступными.

Непріятельскія арміи шли другъ на друга, но не ожидали столкнуться такъ скоро. Австрійцы надѣялись, что еще не всѣ союзныя войска перешли Кіезу, они не могли знать намѣренія Наполеона и были неточно освѣдомлены.

Союзники тоже не рассчитывали встрѣтить войска императора австрійскаго; наблюденія, рекогносцировки, донесенія развѣдчиковъ и воздушные шары, пушенные 23 іюня не дали никакихъ указаній на предполагаемое наступательное движенія непріятели.

Поэтому, хотя съ той и съ другой стороны ожидали близкаго и ожесточеннаго сраженія, встрѣча австрійскихъ и союзныхъ войскъ въ пятницу 24 іюня оказалась неожиданной, такъ какъ тѣ и другіе имѣли ложныя свѣдѣнія о движеніи враждебной арміи.

Каждый, конечно, слышалъ, или читалъ о битвѣ при Сольферино. Воспоминаніе о ней не можетъ изгладиться, тѣмъ болѣе, что послѣдствія этого дня и до сихъ поръ чувствуются во многихъ государствахъ Европы. По особенному стеченію обстоятельствъ, мнѣ, простому туристу, не причастному къ этой страшной борьбѣ, давелось присутствовать при тѣхъ потрясающихъ сценахъ, которыя я могу описать. Это исключительно личныя впечатлѣнія, поэтому на этихъ страницахъ не надо искать ни специальныхъ подробностей, ни стратегическихъ указаній.

Въ достопамятный день 24 іюня, болѣе трехъ сотъ тысячъ человекъ столкнулись лицомъ къ лицу: боевая линія тянулась на пять миль и бой продолжался болѣе пятнадцати часовъ.

Австрійская армія, послѣ тяжелаго перехода въ ночь съ 23, должна была выдерживать съ разсвѣтомъ 24 іюня натискъ союзныхъ войскъ; жара была удушливая, люди страдали отъ голода и жажды, такъ какъ за весь день получили только двойную порцію водки и никакой пищи. Во французской арміи, двинувшейся на зарѣ, солдаты получили тоже только утренній кофе. Поэтому, въ концѣ этой страшной битвы, истощеніе сражающихся, а главное несчастныхъ раненыхъ, было невообразимо.

Около трехъ часовъ утра, корпуса, командуемые маршалами Барагвей д'Иллие и Макъ-Магономъ, двинулись на Сольферино и Кавриану, но едва они перешли Кастиліоне, какъ натолкнулись на австрійскіе аванпосты, отстаивающіе свои позиціи.

Обѣ арміи встрепенулись.

Со всѣхъ сторонъ гудятъ трубы и бьютъ барабаны.

Императоръ Наполеонъ, ночевавшій въ Монтекіаро, горопливо направляется на Кастиліоне.

Въ шесть часовъ начинается настоящій бой.

Австрійцы въ полномъ порядкѣ идутъ по ровнымъ, свободнымъ дорогамъ. Въ центрѣ этой плотной движущейся массы въ бѣлыхъ мундирахъ, развиваются желтые съ чернымъ знамена съ германскимъ императорскимъ орломъ.

Изъ всѣхъ частей войскъ особенно ярко и величественно выдѣляется французская гвардія. Погода чудная и ослѣпительное солнце Италіи играетъ на блестящихъ латахъ драгунъ, уланъ и кирассирь.

При самомъ началѣ сраженія, императоръ Францъ Іосифъ выѣхалъ изъ главной квартиры со всѣмъ штабомъ и направился въ Вольту; его сопровождаютъ эрц-герцоги лотарингскаго дома — великій герцогъ Тосканскій и герцогъ де Модена.

Французской арміи приходится выдерживать первый натискъ и идти по мѣстности совершенно незнакомой, прокладывая себѣ дорогу сквозь густые ряды тутовыхъ деревьевъ, перевитыхъ виноградниками и представляющихъ весьма значительныя препятствія.

Почва изрыта высохшими канавами и усѣяна длинными стѣнами, низкими, но очень широкими въ основаніи: лошадымъ приходится взбираться на эти ограды и перескакивать канавы.

Австрійцы, расположенные на пригоркахъ и возвышенностяхъ, встрѣчаютъ французскую армію пушечнымъ огнемъ, непрерывно извергая цѣлый градъ бомбъ, ядеръ и гранатъ. Дымъ неподвижно стоитъ въ воздухѣ и къ нему взлетаютъ цѣлыя облака пыли и земли взрытой снарядами.

Подъ огнемъ артиллеріи, французы, какъ стихія, бросаются на приступъ позицій, которыя рѣшили отбить во что бы то ни стало. Самый ожесточенный бой разгарается во время тропическаго, полуденнаго зноя.

Отдѣльныя колонны вплотную бросаются другъ на друга, какъ неудержимый потокъ, все разрушающій на своемъ пути; полки французовъ кидаются на многочисленныя, угрожающія массы австрійцевъ, которыя твердо, какъ желѣзная стѣна, выдерживаютъ натискъ; цѣлыя дивизіи бросаютъ ранцы, чтобъ удобнѣе схватиться съ врагами; если одинъ батальонъ отбить, на его мѣсто сейчасъ же является другой. На каждомъ пригоркѣ, на каждой возвышенности идетъ ожесточенный бой: груды тѣлъ валяются въ оврагахъ и канавахъ. Австрійцы и союзники топчутъ другъ друга но-

гами, дерутся на окровавленныхъ трупяхъ, убиваютъ противниковъ прикладами и распарываютъ саблями или штыками; это исключительно рѣзня, борьба дикихъ звѣрей, обезумѣвшихъ отъ потоковъ крови; даже раненые отчаянно защищаются: у кого нѣтъ оружія, тотъ хватается за горло противника и рветъ его зубами.

Тутъ такой же бой, но онъ становится еще страшнѣе—эскадронъ кавалеріи несется во весь опоръ: лошади давятъ подковами мертвыхъ и раненыхъ; одному оторвало челюсть, другому размозжило черепъ, третьему, котораго можно было еще спасти, раздробило грудь. Ржаніе лошадей, проклятія, крики бѣшенства, ревъ и стонъ страданій оглашаютъ воздухъ.

Тутъ артиллерія мчится за кавалеріей, прокладывая себѣ дорогу по тѣламъ убитыхъ и раненыхъ: мозги вытекаютъ изъ череповъ, люди и трупы раздавлены, земля пропитывается кровью и вся равнина усѣяна клочками и членами человѣческихъ тѣлъ.

Французскія войска взбираются на возвышенности и съ дикой отвагой карабкаются на холмы надъ градомъ австрійскихъ пуль и бомбъ. Если какой нибудь ротъ посчастливится взобраться на пригорокъ, она выбиваетъ австрійцевъ изъ всѣхъ позицій, сбрасываетъ ихъ и преслѣдуетъ ожесточенно на дно обрывовъ и овраговъ.

Позиціи австрійцевъ очень выгодны и удобны, они укрылись въ домахъ и церквахъ Медолы, Сольферино и Каврианы. Но ничто не останавливаетъ, не ослабляетъ рѣзню: дерутся вездѣ, въ общемъ и одинъ на одинъ; каждую пядь земли отбиваютъ штыками; берутъ деревни, домъ за домомъ; при каждой фермѣ—новый приступъ и всѣ дворы превратились въ бойни.

Французская картечь производитъ страшныя опустошенія въ австрійской арміи; она усѣяла мертвыми тѣлами всѣ склоны холмовъ и достигаетъ самыхъ отдаленныхъ частей войска. Если австрійцы уступаютъ позиціи, то недаромъ—и опять наступаютъ; ихъ ряды снова и снова пополняются и опять прорываются. Въ равнинѣ вѣтеръ поднимаетъ пыль, которая густыми облаками держится въ воздухѣ, ослѣпляя людей.

Иногда кажется кое гдѣ, что бой ослабѣваетъ, но онъ опять разгорается съ удвоенной силой. Австрійскіе резервы сейчасъ же пополняютъ уронъ, производимый непрерыв-

ными, жестокими натисками. Постоянно, со всѣхъ сторонъ, трубы и барабаны бьютъ атаку.

Гвардія дѣйствуетъ съ удивительной отвагой. Стрѣлки и пѣхота тоже ей не уступаютъ. Зуавы, какъ лютые звѣри, бросаются со штыками, испуская дикіе крики. Французская кавалерія несется на австрійскую, гусары и уланы прокалываютъ другъ друга; даже лошади, возбужденныя рѣзней, участвуютъ въ борьбѣ, бросаются на непріятельскихъ лошадей и яростно кусаютъ ихъ, пока всадники рубятъ и раскраиваютъ противниковъ. Ожесточеніе такъ сильно, что солдаты, за неимѣніемъ зарядовъ, или сломавъ ружья, дерутся въ рукопашную и бросаютъ камнями. Кроаты рѣжутъ всѣхъ, кто имъ попадется; они приканчиваютъ раненыхъ ударами прикладовъ, а алжирскіе стрѣлки, звѣрство которыхъ не могутъ обуздать командиры, добиваютъ умирающихъ и, съ дикимъ ревомъ, бросаются въ схватки.

Самыя сильныя позиціи уступаютъ и опять захватываютъ по нѣсколько разъ. Люди валятся тысячами, прострѣленные, искалѣченные или смертельно раненые всевозможными снарядами.

Посторонній зритель, стоящій на возвышенностяхъ около Кастиліоне, если и не видитъ полной картины сраженія, все же понимаетъ, что австрійцы хотятъ прорвать центръ союзныхъ войскъ, чтобъ отстоять Сольферино, которое, по своему положенію, сдѣлается главнымъ пунктомъ борьбы; они угадываютъ старанія императора французовъ стянуть въ одно мѣсто всѣ части своей арміи.

Наполеонъ, видя, что въ австрійскихъ войскахъ нѣтъ общаго, единодушнаго направленія, приказываетъ корпусамъ Барагвей д'Иллие и Макъ-Магона и императорской гвардіи, подъ командой маршала Реньо-де-сенъ-Манъ д'Анжели, атаковать одновременно укрѣпленія Сольферино и Санъ-Кассіано, чтобъ прорвать центръ непріятельской арміи, состоящей изъ корпусовъ Стадіона, Кламъ, Галла и Цобиля, которые не достаточно дружно и единодушно защищаютъ эти столь важныя позиціи.

Въ Санъ-Мартино смѣлый и отважный маршалъ Бенедекъ, съ частью второй австрійской арміи, отбиваетъ нападеніе всей сардинской арміи, геройски сражающейся подъ командой своего короля, который воодушевляетъ ихъ своимъ присутствіемъ.

Правый флангъ союзной арміи, состоящій изъ корпусовъ

генерала Нюель и маршала Канробера съ неустанной энергіей отбивается отъ первой германской арміи, командуемой графомъ Вимпфенъ, но ея три корпуса, Шварценбергъ, Шафготшъ и де Вейгесъ никакъ не могутъ дѣйствовать единодушно.

Маршалъ Канроберъ, точно сообразуясь съ приказаніемъ императора Наполеона держаться выжидательнаго положенія, не пускаетъ въ ходъ всѣ свои силы съ утра; тѣмъ не менѣе, большая часть его корпуса, дивизіи Рено и Трошу и кавалерія генерала Партуно принимаютъ живое участіе въ дѣлѣ.

Если маршала Канробера сдерживаетъ ожиданіе возможнаго нападенія на него корпуса принца Эдуарда Лихтенштейна, не входящаго въ составъ австрійской арміи, но выступившаго въ то же утро изъ Манти, что очень тревожило Наполеона,—то и корпусъ Лихтенштейна былъ окончательно парализованъ маршаломъ Канроберомъ и опасеніемъ приближенія корпуса принца Наполеона, одна дивизія котораго уже шла изъ Піаченцы.

Генераламъ Форей и де Ламиро пришлось первымъ начать бой въ этотъ достопамятный день; послѣ неимовѣрныхъ усилій они овладѣли возвышенностями, ведущими къ красивому холму Синре, навѣки прославившемуся съ башней и кладбищемъ Сольферино, какъ поле дѣйствія и нѣмые свидѣтели неимовѣрной, ужасающей рѣзни; наконецъ, холмъ Синре взятъ приступомъ и полковникъ д'Овернь махаеъ платкомъ, насаженнымъ на саблю въ знакъ побѣды.

Побѣды эти достались дорогой цѣной и потери союзныхъ войскъ очень значительны. У генерала де Ламиро плечо раздроблено пулей: онъ насилу соглашается на перевязку въ часовнѣ сосѣдней дереушки, пѣшкомъ возвращается къ своимъ солдатамъ и продолжаетъ воодушевлять ихъ, но вторая пуля прострѣливаетъ ему лѣвую ногу. Генераль Форей, спокойный и невозмутимый въ своемъ трудномъ положеніи, раненъ въ бедро, его бѣлый плащъ весь прострѣленъ, адъютанты его падаютъ мертвыми; одному изъ нихъ, капитану Кервеноель, двадцати пяти лѣтъ, снесло черепъ осколкомъ гранаты. У подножья холма Синре, генераль Діе, ведущій своихъ стрѣлковъ, падаетъ съ лошади, смертельно раненый; генераль Дуэй раненъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ братъ его, капитанъ Дуэй, убитъ. Бригадному генералу Оже раздробило лѣвую руку ядромъ и онъ вы-

служиваетъ чинъ дивизионнаго генерала въ сраженіи стоящимъ ему жизнь.

Французскіе офицеры всегда впереди, махая саблями и увлекая солдатъ своимъ примѣромъ, благодаря эполетамъ и орденамъ, служатъ цѣлью для тирольскихъ стрѣлковъ. Въ полку африканскихъ стрѣлковъ, рядомъ съ лейтенантъ-полковникомъ Лоранъ де л'Ондръ, убитымъ на поваль, лейтенантъ де Санильякъ Фезилонъ, двадцати двухъ лѣтъ, врывается въ австрійское карэ и платитъ жизнью за свой подвигъ. Полковникъ Малевиль на фермѣ Каза Нова, подъ страшнымъ огнемъ непріятели, много превосходящаго численностью и, не имѣя больше зарядовъ, хватается знамя и, обращаясь къ своему батальону: „Кто любитъ знамя—за мной“. Солдаты бросаются за нимъ въ штыки: пуля прострѣливаетъ ему ногу, его поддерживаютъ на сѣдлѣ, и онъ продолжаетъ командовать не смотря на жестокія страданія. Тутъ же батальонный командиръ Геберъ убитъ отстаивая орла; его топчутъ ногами, но онъ еще кричитъ своимъ, умирая: „Смѣлѣй, братцы“. У башни Сольферино, лейтенантъ Монплиа, пѣшихъ гвардейскихъ стрѣлковъ, одинъ захватываетъ шесть орудій, изъ нихъ четыре запряженныхъ, подъ командой австрійскаго полковника, который вручаетъ ему свою саблю. Лейтенантъ Гизель несетъ знамя линейнаго полка и весь его батальонъ окружаетъ непріятель въ десять разъ сильнѣе численностью; въ него стрѣляютъ, онъ валится, прижимая къ груди драгоцѣнную ношу; сержантъ хватается знамя, чтобъ оно не попало въ руки враговъ и ему срываетъ голову ядромъ; капитанъ берется за древко, но сейчасъ же обливается своей кровью знамя, которое рвется и ломается; всѣ, берушіе знамя, офицеры и солдаты, падаютъ, но, живые или мертвые защищаютъ его своей грудью; наконецъ побѣдоносные обломки остаются въ рукахъ сержанта полка, генерала Абаттуччи. Комендантъ и ла Рошефуко Лианкуръ, храбрый африканскій стрѣлокъ, бросается на карэ венгерцевъ, но лошадь его получаетъ нѣсколько пуль и онъ самъ раненъ и взятъ въ плѣнъ окружившими его венгерцами *).

Въ Гвидиццоло, принцъ Карль Виндишь-Грецъ, австрій-

*) Узнавъ, что ла Рошефуко взятъ въ плѣнъ и раненъ, австрійскій императоръ приказалъ заботиться о немъ и оказывать ему полное уваженіе.

скій полковникъ, идетъ на вѣрную смерть, стараясь со своимъ полкомъ снова овладѣть крѣпкой позиціей Каза Нова: смертельно раненый, онъ продолжаетъ командовать; солдаты его поддерживаютъ, несутъ на рукахъ, неподвижно стоятъ подъ градомъ пуль, защищая его собой; они знаютъ, что будутъ убиты, но не хотятъ оставить своего полковника, котораго любятъ и уважаютъ и онъ тутъ же умираетъ.

Лейтенанты-фельдмаршалы графъ де Кренневиль и графъ Пальфери тяжело ранены; а въ корпусъ барона Вейгль ранены фельдмаршалъ Бломбергъ и генераль-майоръ Балтинъ. Баронъ Штурмфедеръ, баронъ Пидоль, и полковникъ Мембъ убиты. Лейтенанты де Штейгеръ и де Фишеръ убиты на повалъ недалеко отъ принца д'Изембурга, болѣе счастливаго, поднятаго на полѣ сраженія еще съ признаками жизни.

Маршалъ Дарагвей д'Иллие, въ сопровожденіи генераловъ Лебефъ, Вазена, де Негріе, Дуэй, д'Дельтонъ, Фармо, полковниковъ Камбриель и Милиснеръ, пробрался въ деревню Сольферино, которую отстаивали графъ Стадіонъ и лейтенанты - фельдмаршалы Пальфери и Штернбергъ. Бригады Бальсъ, Пухнеръ, Гааль, Коннеръ и Фестетикъ долго отпарировали жестокия атаки, въ которыхъ особенно отличились генераль Калу съ своими стрѣлками, полковники Бренкуръ и де Такей, всѣ раненые, и лейтенантъ полковникъ Геспаръ, убитый двумя пулями на вылетъ въ грудь.

Генераль Дево, съ своей обычной храбростью и замѣчательнымъ хладнокровіемъ выдерживаетъ со своей кавалеріей страшный натискъ венгерской пѣхоты; смѣлая атака его эскадроновъ подкрѣпляетъ наступленіе генерала Трошу на корпусъ де Вейгль, Шварценбергъ и Шаффготшъ въ Гвидицоло и въ Ребекко, гдѣ генералы Морри и Партуно побѣждаютъ кавалерію Менсдорфа.

Непоколебимая стойкость, съ которой генераль Ніель, въ долину Медолы, и генералы де Фальи, Винца и де Люци, задерживаетъ три большія дивизіи арміи графа Вимпфенъ, даетъ возможность маршалу Макъ-Магону съ генералами де ла Моттерумъ и Декаэнъ и гвардейской кавалеріи обогнуть высоты, дающія доступъ къ позиціямъ Санъ Кассіано, и Кавріана и укрѣпляются на рядѣ холмовъ, идушихъ параллельно съ мѣстностью, гдѣ стянуты войска фельдмаршаловъ Кламъ - Галла и Цобеля. Но принцъ Гессенскій,

одинъ изъ героевъ австрійской арміи, достойный помѣриться съ знаменитымъ побѣдителемъ Маженты, занявшій Санъ-Кассіано, стойко защищаетъ три вершины горы Фонтана противъ отчаяннаго наступленія. Генераль Севелиненъ приказываетъ втащить туда пушки, подъ огнемъ австрійцевъ; лошади не могутъ взбираться по отвѣснымъ склономъ и вмѣсто нихъ впрягаются гвардейскіе гренадеры; они снабжаютъ артиллеристовъ снарядами, образуя собою живую цѣпь отъ ящиковъ до орудій.

Генераль Моттерумъ овладѣваетъ, наконецъ, Кавріаной, несмотря на отчаянное сопротивленіе и многократныя наступательныя попытки молодыхъ германскихъ офицеровъ. Стрѣлки генерала Манекъ запасаются зарядами тѣмъ же способомъ, какъ гренадеры, но скоро, истощивъ, ихъ бросаются въ штыки на холмы между Сольферино и Кавріана и, не смотря на большую численность непріятеля, отбиваютъ, наконецъ, эти позиціи съ помощью генерала Меллине. Ребекко захватываютъ союзныя войска, потомъ опять отбиваютъ австрійцы и, въ концѣ концовъ, его окончательно отстаетъ генераль Рено.

При атакѣ горы Фонтана алжирскіе стрѣлки разбиты, ихъ полковники Лоръ и Герленъ убиты, также и большинство офицеровъ, что еще усиливаетъ ихъ ярость: они хотятъ отомстить за своихъ убитыхъ и бросаются съ бѣшенствомъ африканцевъ и съ фанатизмомъ мусульманъ на враговъ, убивая и раскраивая ихъ какъ звѣри, жаждущіе крови. Кроаты бросаются на землю, прячутся въ канавахъ, подпускаютъ противника, потомъ вскакиваютъ и стрѣляютъ въ упоръ. Въ Санъ Мартино офицеръ-берсальерецъ, капитанъ Паллавичини, раненъ; солдаты его уносятъ въ часовню, гдѣ ему дѣлаютъ перевязку, но отбитые австрійцы снова наступаютъ и проникаютъ въ часовню. Берсальерцы, слишкомъ малочисленные, принуждены оставить своего начальника; тогда кроаты немедленно вооружаются большими камнями, раздробляютъ голову капитану и его мозгъ брызжетъ на ихъ туники.

Среди этой борьбы, столь разнородной и непрерывной, вырываются проклятія изъ устъ людей всевозможныхъ національностей, изъ которыхъ многіе принуждены быть челоукоубійцами въ двадцать лѣтъ.

Среди самаго ожесточеннаго боя, когда вся земля содралась отъ стихійнаго вихря пуль и снарядовъ, а въ

воздухъ непрерывно сверкали огни, какъ смертоносныя молніи, все прибавляя новыя жертвы къ этой человѣческой гекатомбѣ, духовникъ императора Наполеона, аббатъ Лэнь, обходилъ перевязочные пункты, утѣшая и напутствуя умирающихъ.

Комендантъ Мениссіе, оба брата котораго, полковникъ и капитанъ, уже храбро погибли при Мажентѣ, тоже гибнетъ при Сольферино, лейтенанту линейнаго полка раздробило лѣвую руку и кровь льетъ изъ раны; онъ сидитъ подъ деревомъ и въ него цѣлится венгерскій солдатъ, но офицеръ во время останавливаетъ его, подходитъ къ раненому французу, сочувственно жметъ ему руку и приказываетъ перенести его въ болѣе безопасное мѣсто. Маркитантки, какъ солдаты, ходятъ подъ непріятельскимъ огнемъ, поднимаютъ изувѣченныхъ солдатъ, молящихъ дать имъ хоть каплю воды и онѣ сами ранены, помогая другимъ *).

Тутъ изнемогаетъ подъ тяжестью своей лошади, убитой осколкомъ гранаты, гусарскій офицеръ, уже истощенный потерей крови; тутъ мчится обезумѣвшая лошадь, влача за собой окровавленный трупъ своего всадника; а тамъ лошади, болѣе человѣчныя чѣмъ люди, стараются не давить жертвъ этой ужасающей рѣзни. Офицеръ иностраннаго ордена убитъ на повалъ, его собака, привезенная изъ Алжира, страшно привязанная къ нему, любимица всего батальона, пошла дальше за своими, но вскорѣ, тоже подстрѣленная, доташилась до трупа своего хозяина и умерла около него. Въ другомъ полку коза, прирученная стрѣлкой и очень любимая всѣми солдатами, невредимо добралась до Сольферино подъ пулями и картечью.

Сколько храбрецовъ продолжаютъ сражаться не смотря на раны, пока, наконецъ, не валятся совершенно изнеможенные! Въ другомъ мѣстѣ, наоборотъ, цѣлые батальоны должны недвижимо стоять подъ непріятельскимъ огнемъ, ожидая приказанія двинуться, и остаются спокойными зрителями борьбы, къ которой стремятся всей душой.

Сардинцы съ утра до вечера то приступами, то схватками защищаютъ и отбиваютъ высоты Санъ-Мартино, Ракколо, Мадонна делла Скоперта, которыя по пяти и шести разъ

*) Можетъ онѣ самыя были сожжены мексиканцами 9 Іюля 1862 г. привязанныя живыми къ фурамъ съ королемъ съ десятью солдатами, которые везли боевые снаряды и продовольствіе, во французскій лагерь изъ Вэра Крузы и были захвачены гверильясами на разстояніи мили отъ Тимеріи.

переходяты изъ рукъ въ руки и овладѣвають, наконецъ, Поццоленго, хотя сражаются только по дивизіямъ, поочередно и не довольно согласно. Ихъ генералы—Лолнаръ, де Ла Мармофа, Делла, Рокка, Дюрандо, Фанти, Учальдани, Куччіари, де Соннаць, съ офицерами всѣхъ чиновъ и всѣхъ рядовъ оружія, всячески стараются помочь своему королю, на глазахъ котораго ранены генералы Перриэ, Церане и Арнольди.

Послѣ маршаловъ и дивизіонныхъ генераловъ французской арміи, нельзя не воздать должной чести также и бригаднымъ генераламъ, блестящимъ полковникамъ и храбрымъ капитанамъ и комендантамъ, такъ сильно содѣйствовавшимъ конечному успѣху этого послѣдняго сраженія. И дѣйствительно, несомнѣнно велика была слава побѣдить такихъ героевъ какъ принцъ Александръ Гессенскій, Стадіонъ, Бенедекъ или Карлъ де Виндишь-Грецъ! *)

„Насъ точно вѣтромъ несло“, образно говорилъ мнѣ молодой солдатикъ, объясняя движеніе боя, „пахнетъ порохомъ, пушки палятъ, барабаны бьютъ, трубы гудятъ—это увлекаетъ и возбуждаетъ!“ Въ этой борьбѣ дѣйствительно каждый человекъ дрался, точно исходъ дѣла зависѣлъ лично отъ него. Унтеръ офицеры французской арміи отличаются какой то особой отвагой и храбростью, препятствія для нихъ не существуютъ, они всегда бросаются на самое опасное дѣло, увлекая за собой солдатъ, будто бѣгутъ на праздникъ.

Войска императора Франца Іосифа отступили. Армія графа Вимпфена первая получила приказаніе начинать отступление еще раньше, чѣмъ маршалъ Канроберъ пустилъ

*) По поводу генерала Форей заимствуемъ нѣсколько словъ изъ прекраснаго сочиненія полковника Эдмонда Февра, *l'armée prussienne et les manoeuvres de Cologne en 1861*:

Въ тотъ же день король пригласилъ насъ всѣхъ къ обѣду въ замокъ Бенратъ, близъ Дюссельдорфа... Садясь за столъ, король взялъ за руки генерала Форей и генерала Паумгартена и сказалъ имъ, смѣясь: „Теперь, когда вы опять друзья, садитесь тутъ рядомъ и бесѣдуйте“. Дѣло въ томъ, что Форей былъ побѣдителемъ Монтебелло, а Паумгартенъ его противникомъ: они могли спокойно обсуждать и передавать другъ другу всѣ подробности этого дѣла. Глядя на благородную улыбку австрійскаго генерала, видно было, что мечь и злоба миновали, а французскій генералъ, какъ извѣстно и повода къ нимъ не имѣлъ. Вотъ война, вотъ жизнь солдата. Эти генералы такъ смиренно разговаривающіе теперь, черезъ часъ, можетъ быть, будутъ рубить другъ друга, а черезъ два года опять гдѣ нибудь вмѣстѣ обѣдать.

въ ходъ всѣ свои силы; армія графа Шинкъ, не смотря на стойкость графа Стодіона, слабо поддерживаемая лейтенантами—фельдмаршалами Кламъ-Галла и Цобель должна была оставить всѣ свои позиціи, обращенныя австрійцами въ настоящія крѣпости.

Солнце вдругъ скрылось и густыя тучи заволокли небо; поднялся страшный вѣтеръ, ломающій деревья и разносящій вѣтви и листья по воздуху; холодный дождь потоками льется на сражающихся и безъ того обезсиленных голодомъ и усталостью, порывы вѣтра поднимаютъ столбы пыли а солдатамъ еще приходится бороться съ бушующей стихіей. Австрійцы, разсѣнные бурей, сплочиваются по командѣ офицеровъ. Но къ пяти часамъ ожесточеніе борьбы съ обѣихъ сторонъ ослабѣваетъ подъ вліяніемъ дождя, града, молніи, грома и темноты, окутавшей поле сраженія.

Во все время военныхъ дѣйствій, глава Габсбургскаго дома выказывалъ изумительное спокойствіе и хладнокровіе; взятіе Кавріана застало его съ графомъ Шинкъ и его адъютантомъ принцемъ Насаускимъ на ближайшемъ холмѣ Мадонна делла Пиеве около церкви, окруженной кипарисами. Когда австрійскій центръ подался, а лѣвый флангъ потерялъ уже всякую надежду отбить позиціи союзниковъ—было рѣшено общее отступление и императоръ, въ эту торжественную минуту, долженъ былъ, примиряясь съ обстоятельствами, направиться къ Вольтѣ съ частью своего штаба, а эрцгерцоги и наслѣдный герцогъ Тосканскій удалились въ Валеджіо.

Во многихъ мѣстахъ нѣмецкими войсками овладѣла настоящая паника и нѣкоторые полки, вмѣсто отступления, прямо обратились въ бѣгство; напрасно офицеры, сражавшіеся какъ львы, старались ихъ удержать; уговоры, брань, побои—ничего не дѣйствовало; ужасъ слишкомъ силенъ и эти солдаты, храбро воевавшіе цѣлый день, терпятъ побои и оскорбленія—и всетаки бѣгутъ.

Отчаяніе императора австрійскаго невообразимо: онъ держалъ себя героемъ, когда пули и гранаты свистѣли около него, а теперь онъ не можетъ удержаться отъ слезъ, видя это пораженіе; въ своей скорби, онъ бросается къ бѣглецамъ, укоряя ихъ въ трусости. Когда опять водворилось спокойствіе послѣ этого взрыва и возбужденнаго проявленія горячности, онъ молча окинулъ взглядомъ мрачную

картину опустошенія, крупныя слезы полились по его щекамъ и онъ только, по настоянію своихъ адъютантовъ, согласился оставить Вольту и поѣхалъ въ Валеджіо.

Австрійскіе офицеры, пораженные, отъ злости и отчаянія, прямо отдають себя на убіеніе, но дорого отплачиваютъ за свою жизнь: многіе сами себя убиваютъ, будучи не въ силахъ перенести это страшное пораженіе; но никто не возвращается въ свой полкъ иначе, какъ покрытый кровью враговъ или своей собственной.

Императоръ Наполеонъ за весь день появлялся тамъ, гдѣ его присутствіе могло быть нужно: въ сопровожденіи маршала Вальяна, генерала-маіора арміи, генерала Мартемирей, графа Роге, графа Монтебелло, генерала Флери, принца де ла Москова, полковниковъ Рейль, Роберъ, всей главной квартиры и эскадрона гвардіи, онъ постоянно направлялъ сраженіе, являясь тамъ, гдѣ всего труднѣе было преодолѣть препятствія, не заботясь объ опасности, которая постоянно грозила ему самому; у горы Фенлось, лошадь барона Ларрей, его хирурга, была убита и нѣсколько гвардейцевъ ранены.

Въ Кавріанѣ Наполеонъ занялъ домъ, въ которомъ, въ тотъ же день, останавливался императоръ австрійскій и оттуда послалъ телеграмму императрицѣ, извѣщающую о своей побѣдѣ.

Французская армія расположилась на позиціяхъ, отвоеванныхъ въ этотъ день: гвардія заняла мѣстность между Сольферино и Кавріаной, оба первые корпуса заняли ближайшіе къ Сольферино холмы, третій корпусъ былъ въ Ребекко, четвертый—въ Вольтъ.

Гвидицоло оставалась до десяти часовъ вечера занятой австрійцами и они отступали подъ прикрытіемъ фельдмаршала Вейгль съ лѣваго фланга и фельдмаршала Бенедека съ праваго; онъ, до глубокой ночи отстаивая Поццоленго, прикрывалъ отступленіе графовъ Стадіона и Кламъ-Галла. Бригады Коллеръ и Гааль очень достойно вели себя, а бригады Бранденштейна и Руссина, подъ командой принца Гессенскаго, направились на Вольту, гдѣ помогали переправѣ артиллеріи черезъ Минчіо на Барgetto и Валеджіо.

Скитающихся австрійскихъ солдатъ собираютъ и отправляютъ въ Валеджіо; дороги запружены фурами съ поклажей разныхъ частей войскъ, съ артиллерійскими запасами

и разборными монетами; все это торопится и въ безпорядкѣ стремится на дорогу въ Валеджіо; составъ поѣзда былъ спасень спѣшной постройкой летучихъ мостовъ. Первый транспортъ легко раненыхъ въѣзжалъ въ это время въ Виллафранку, за нимъ прибыли болѣе тяжело раненые и ихъ огромный наплывъ продолжался во всю эту печальную ночь; доктора дѣлали имъ перевязки, подкрѣпляли пищей и отправляли ихъ по желѣзной дорогѣ въ Верону, гдѣ образовалось невообразимое скопленіе. Хоть армія, при своемъ отступленіи и увезла всѣхъ раненыхъ, помѣстившихся въ повозкахъ и фургонахъ, сколько осталось еще несчастныхъ на землѣ, орошенной ихъ кровью!

Къ вечеру, когда сумерки спускались на полѣ кровавой битвы, не одинъ французскій офицеръ и солдатъ отыскивали тутъ друга, земляка или товарища; если находили знакомаго, старались его привести въ чувство, утирали кровь, перевязывали рану платкомъ, но каплю воды достать бѣдному страдалцу—было невозможно. Сколько молчаливыхъ слезъ было пролито въ этотъ ужасный вечеръ, гдѣ не было мѣста ни ложному самолюбію, ни условному достоинству!

Во время сраженія, летучія отряды были размѣщены въ фермахъ, въ домахъ, въ церквахъ и сосѣднихъ монастыряхъ и даже на волѣ, подъ тѣнью деревьевъ: тутъ дѣлали перевязки раненымъ утромъ офицерамъ, потомъ унтеръ-офицерамъ и, наконецъ, солдатамъ; французскіе хирурги выказали неутомимое самоотверженіе и многіе изъ нихъ, въ теченіе сутокъ, не отдыхали ни минуты; двоимъ изъ нихъ, работавшимъ въ амбулаторіи доктора Мери, старшаго доктора гвардіи, пришлось дѣлать такъ много ампутацій и перевязокъ, что они упали въ обморокъ; въ другомъ пунктѣ докторъ такъ измучился, что два солдата поддерживали его руки и онъ продолжалъ свое дѣло.

Во время битвы красный флагъ *) обозначаетъ мѣсто-нахожденіе раненыхъ или перевязочный пунктъ полковъ, участвующихъ въ дѣлѣ и по обоюдному, безмолвному соглашенію, въ эти пункты не стрѣляютъ; иногда, однако, бомбы залетаютъ туда, не шадя ни фельдшеровъ, ни фуртоны съ хлѣбомъ, виномъ и мясомъ для больныхъ. Раненые солдаты, которые еще могутъ ходить, сами отправ-

*) Надъ больницами—черные флаги.

ляются на эти пункты; другихъ переносятъ на носилкахъ, такъ какъ они обезсилены потерей крови и долго не получили помощи.

Въ такой холмистой мѣстности, на протяженіи болѣе двадцати километровъ, при всѣхъ разнородныхъ фазисахъ этого колоссальнаго сраженія, солдаты, офицеры и генералы не могли точно знать результата всѣхъ битвъ, а во время самого дѣйствія, они едва могли себѣ уяснить, что происходитъ рядомъ; въ австрійской арміи это невѣдѣніе еще усугублялось неопредѣленностью, или, даже, отсутствіемъ общихъ, точныхъ распоряженій.

Всѣ высоты отъ Кастиліоне де Вольты сверкаютъ тысячами огней, поддерживаемыхъ обломками австрійскихъ артиллерійскихъ ящиковъ и вѣтвями деревьевъ, сваленныхъ вѣтромъ или ядрами; солдаты сушатъ у этихъ огней свою промокшую одежду и засыпаютъ измученные, на камняхъ или на голой землѣ. Болѣе крѣпкіе еще не спятъ, надо добыть воды и сварить супъ или кофе послѣ цѣлаго дня, безъ отдыха и безъ пищи.

Сколько волненій, горькихъ разочарованій и душу надрывающихъ сценъ! Цѣлые батальоны не имѣютъ припасовъ, другіе, которымъ приказано было бросить ранцы, лишены всего; тутъ полный недостатокъ воды, а жажда такъ нестерпима, что офицеры и солдаты пьютъ изъ грязной тинистой лужи, наполненной кровью. Гусары, посланные на далекое разстояніе за водой и топливомъ, чтобъ варить кофе, возвращались около одиннадцати часовъ вечера въ свой bivakъ, но по дорогѣ увидели столько умирающихъ, молящихъ дать имъ воды, что они истощили весь свой запасъ, исполняя этотъ долгъ милосердія. Кофе, наконецъ, сварили, но вдругъ, издали раздалась выстрѣлы и забили тревогу; гусары бросились къ лошадямъ, кофе разлили въ суетѣ и вскорѣ разъяснилось недоразумѣніе: стрѣляли не вновь наступавшіе враги, какъ предположили, а французскіе аванпосты въ своихъ собственныхъ солдатъ, которые пошли добывать воды и были приняты часовыми за австрійцевъ.

Тиролецъ, лежавшій неподалеку, умолялъ ихъ дать ему воды, но ее абсолютно не было ни капли; на утро его нашли мертвымъ, съ пѣной у рта; его вспухшее лицо было зелено-черное и ротъ полонъ земли; онъ мучился въ страшныхъ судорогахъ цѣлую ночь и всѣ ногти рукъ оказались отогнутыми

Въ ночной тишинѣ слышатся стоны, подавленные вздохи тоски и страданія и раздирающіе душу крики о помощи: ничто не въ силахъ, передать весь ужасъ этой ночи.

25 іюня солнце освѣтило самое ужасное зрѣлище какое только можетъ представить себѣ человѣческое воображеніе. Все поле битвы усѣяно трупами людей и лошадей; дороги, канавы, овраги-полны мертвыми тѣлами, а въ окрестностяхъ Сольферино земля буквально сплошь покрыта ими. Поля изрыты, маисъ и пшеница повалены, изгороди сломаны, фруктовые сады раззорены, кое гдѣ стоятъ лужи крови. Деревни опустѣли и вездѣ видны слѣды пуль и снарядовъ; стѣны расшатаны и дали трещины; дома пробиты или разрушены; жители болѣе сутокъ провели спрятанными въ подвалахъ, въ темнотѣ и безъ пищи; теперь они начинаютъ вылѣзать и видно по ихъ лицамъ, какой страхъ они перенесли. Въ окрестностяхъ Сольферино, особенно на деревенскомъ кладбищѣ, земля усѣяна ружьями, ранцами, касками, кэпи, шарфами, всевозможными частями обмундирования, обломками оружія и даже клочьями одежды, пропитанной кровью.

Несчастные раненые, которыхъ поднимаютъ въ теченіе дня, мертвенно блѣдны и совершенно обезсилены; у нѣкоторыхъ, особенно у тяжело раненыхъ, взглядъ отупѣлый, они точно ничего не понимаютъ, бессмысленно смотрятъ, но это, кажущееся притупленіе, не мѣшаетъ имъ ощущать страданія; иные возбуждены и содрагаются отъ нервной дрожи; другіе съ воспаленными, зіяющими ранами, точно обезумѣли отъ жестокихъ страданій; они умоляютъ ихъ прикончить и, съ искаженными лицами, бьются въ предсмертныхъ судорогахъ.

Тамъ несчастные не только раненые пулями и снарядами, но еще съ раздробленными руками или ногами отъ проѣхавшихъ по нимъ артиллерійскихъ орудій. Отъ ударовъ цилиндрическихъ пуль кости разлетаются во всѣ стороны, такъ что эти раны всегда очень опасны; осколки граната и коническія пули производятъ тоже страшно-болѣзненные раздробленія и не всегда поправимыя внутреннія поврежденія. Всевозможные осколки, обломки костей, клочки одежды, земля, куски свинца раздражаютъ раны и усиливаютъ мученія раненыхъ.

Пробѣгая громадную арену вчерашняго боя, на каждомъ

шагу приходится наталкиваться на сцены, невообразимаго отчаянія и жесточайшихъ страданій.

Многіе полки сбросили ранцы и все содержимое ихъ исчезло, такъ какъ ломбардскіе крестьяне и алжирскіе стрѣлки брали все, что имъ попадалось подъ руку; гвардейскіе стрѣлки сбросили ранцы, чтобъ удобнѣе идти на приступъ Сольферино, въ помощь дивизіи Фарей; они сражались до поздняго вечера, ночевали въ окрестностяхъ Кавріана, а утромъ пошли за своими ранцами и нашли ихъ пустыми: за ночь все взяли; потеря жестокая, ихъ платье было рвано и грязно, приэтомъ пропали ихъ скромныя сбереженія и мелкія вещицы, дорогія какъ память о матеряхъ, сестрахъ или невѣстахъ. Во многихъ мѣстахъ воры грабятъ мертвыхъ и не щадятъ даже раненыхъ еще живыхъ; ломбардскіе крестьяне особенно жадны на обувь, которую сдираютъ съ опухшихъ ногъ мертвецовъ.

Къ этимъ раздирающимъ сценамъ примѣшиваются еще торжественныя или трогательныя. Вотъ старый генераль Ле Бретанъ бродитъ отыскивая своего зятя, раненаго генерала Дуэй; онъ оставилъ свою дочь, жену генерала Дуэй за нѣсколько миль отсюда въ страшномъ страхѣ и волненіи. Вотъ тутъ тѣло лейтенанта-полковника де Нешезъ, который видя, что его начальникъ, полковникъ Воберъ де Менлисъ, падаетъ съ лошади, тяжело раненый, бросается замѣнить его и самъ падаетъ, сраженный пулей въ сердце. Невдалекѣ и самъ полковникъ де Менлисъ; ему дѣлаютъ перевязку и онъ весь дрожитъ въ лихорадкѣ, а тамъ лейтенанту конной артиллеріи, Сильвъ де Саранъ, только мѣсяць тому назадъ вышедшему изъ Сень-Сира, будутъ ампутировать правую руку. Вотъ бѣдный сержантъ-маіоръ венсенскихъ стрѣлковъ, у котораго прострѣлены обѣ ноги; я увижу его еще въ Брессіи въ больницѣ, потомъ въ вагонѣ желѣзной дороги изъ Милана въ Туринъ и ему всетаки предстоитъ умереть отъ послѣдствій этихъ ранъ. Лейтенантъ Гизель, котораго считали умершимъ, найденъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ безъ чувствъ упалъ со знаменемъ.

Тутъ же, въ центрѣ цѣлой груди тѣль уланъ и австрійскихъ стрѣлковъ, туркасовъ и зуавовъ, лежитъ въ нарядномъ восточномъ мундирѣ трупъ мусульманскаго офицера, лейтенанта алжирскихъ стрѣлковъ, Ларби бенъ Лагдаръ; его блѣдное, смуглое лицо покоится на прострѣлянной груди иллирійскаго капитана въ ослѣпительно бѣломъ мундирѣ;

отъ этихъ разорванныхъ человѣческихъ тѣлъ идетъ паръ и запахъ свѣжей крови. Полковникъ Малевиль, раненый въ геройской схваткѣ при Каза-Нова, испускаетъ послѣднее дыханіе; предають землѣ тѣло коменданта Понжибо, умершаго въ ночь и находятъ тѣло молодаго графа де Сень-Пьеръ, только недѣлю произведеннаго въ батальонные командиры. Тутъ же храбрый подъ-лейтенантъ Фурніе гвардейскихъ стрѣлковъ, тяжело раненый наканунѣ, заканчиваетъ въ двадцать лѣтъ свою военную карьеру: въ десять лѣтъ онъ добровольно поступилъ въ солдаты, въ одиннадцать былъ произведенъ въ капралы, а въ шестнадцать въ подъ-лейтенанты, сдѣлавъ два похода въ Африку и Крымскую кампанію, гдѣ былъ раненъ, при осадѣ Севастополя *). Также въ Сольферино суждено было угаснуть одному изъ главнѣйшихъ именъ первой французской имперіи, въ лицѣ лейтенанта-полковника Жюно, герцога д'Абрантесъ, начальника штаба генерала де Фальи.

Недостатокъ воды все сильнѣе ощущается; каналы пересохла и солдаты, въ большинствѣ случаевъ, достаютъ для утоленія жажды только вредную, солонатовую воду; вездѣ, у колодцевъ и фонтановъ часовые съ ружьями охраняють воду для больныхъ; у Кавріана загнившее болото служить, въ продолженіи двухъ сутокъ, единственнымъ водопоемъ для двадцати тысячъ лошадей. Раненія лошади, потерявшія своихъ всадниковъ и блуждавшія всю ночь, точно за помощью приходятъ къ своимъ: ихъ приканчивають пулей въ лобъ. Одна лошадь въ великолѣпной сбруѣ пришла къ французскому отряду; въ плащѣ, уцѣлѣвшемъ на сѣдлѣ, оказались письма и вещи, по которымъ узнали, что она принадлежала храброму принцу д'Изембургъ; стали искать австрійскаго князя и нашли его безъ чувствъ отъ сильной потери крови; старательный уходъ французскихъ хирурговъ далъ ему возможность впоследствии вернуться въ

*) Подъ-лейтенантъ Жано Франсуа Фурніе родился въ Метцѣ 6 февраля 1839 г. поступилъ волонтеромъ 4 іюня 1849 г. и переведенъ въ Алжиръ; въ капралы произведенъ 6 апрѣля 1850, въ сержанты 1 апрѣля 1851, въ сержантъ-фурьеры 11 іюля 1852 и въ сержантъ-маіоры въ 1854. Онъ совершилъ Крымскую кампанію 1855 — 56 адъютантомъ; 20 ноября 1855 назначенъ подъ-лейтенантомъ въ 42-й линейный полкъ откуда перешелъ съ тѣмъ же чиномъ 13 октября 1856 во 2-й стрѣлковый полкъ императорской гвардіи. Смертельно раненый 24 іюня 1856, онъ скончался 25 іюня.

семью, которая, не имѣя извѣстій, сочла было его уже погибшимъ и надѣла трауръ.

Въ числѣ убитыхъ есть солдаты съ совершенно спокойнымъ выраженіемъ лица, это убитые сразу, на поваль, но большинство сведены предсмертными судорогами, тѣло покрыто пятнами, руки впились въ землю, глаза чрезмѣрно открыты, усы взъерошены и зловѣщій, судорожный смѣхъ обнажаетъ плотно стиснутые зубы.

Въ продолженіи трехъ сутокъ, днемъ и ночью погребали тѣла, оставшіяся на полѣ сраженія; *) на такомъ огромномъ пространствѣ много труповъ въ канавахъ, въ оврагахъ и кустахъ были найдены только гораздо позднѣе; эти трупы и убитыя лошади распространяли зловредныя испаренія и сильнѣйшій запахъ.

Во французской арміи отряжаютъ по нѣсколько солдатъ изъ каждаго полка для признанія и погребенія умершихъ: обыкновенно каждые хоронятъ своихъ товарищей; берутъ номеръ списка вещей убитаго и опускаютъ его въ общую могилу при помощи ломбардскихъ крестьянъ, которымъ платятъ за этотъ трудъ. Къ несчастью есть основаніе думать, что и не одинъ живой попалъ въ эту могилу, благодаря поспѣшности, съ которой это должно было производиться, а также грубости и недобросовѣстности нѣкоторыхъ крестьянъ. Ордена, деньги, часы, письма и бумаги, находимые у офицеровъ отсылаются потомъ ихъ семьямъ, но съ такой массой тѣлъ требующихъ погребенія, не всегда возможно точно исполнить это дѣло.

Единственный сынъ, обожаемый родителями, долгіе годы воспитанный нѣжною матерью, пугавшейся малѣйшему его недомоганію, блестящій офицеръ, покинувшій любимую жену и дѣтей, молодой солдатъ, оставившій невѣсту и, вѣроятно, мать, сестеръ, старика отца—онъ лежитъ теперь въ пыли, въ грязи, облитый собственной кровью, молодое красивое лицо неузнаваемо, сабля и картечь его не пощадил, онъ страдаетъ и умираетъ; его тѣло, которое такъ лелѣяли, черное, вздутое, обезображенное, бросятъ сейчасъ какъ попало въ едва вырытую яму и засыпятъ нѣсколькими лопатами земли и извести; хищныя птицы не пощадятъ его

*) Три недѣли послѣ 24 Іюля 1859 г. находили еще на мѣстѣ сраженія убитыхъ солдатъ обѣихъ армій. Что же касается до утвержденія, что одного дня 25 Іюля было достаточно, чтобъ собрать раненыхъ, то оно совершенно не точно.

рукъ и ногъ торцашихъ изъ рыхлой земли. Потомъ вернутся, привезутъ земли, поставятъ даже, можетъ быть, деревянный крестъ и больше ничего...

Трупы австрійцевъ тысячами разсыпаны на холмахъ, склонахъ, въ кустахъ и на равнинѣ Медала, въ рваныхъ полотняныхъ курткахъ, въ сѣрыхъ кителяхъ и ярко бѣлыхъ мундирахъ, рои мухъ и хищныя птицы вьются надъ этими зеленоватыми тѣлами; ихъ сотнями сваливаютъ въ общія ямы.

Сколько молодыхъ венгерцевъ, чеховъ, румынъ, только что поступившихъ въ военную службу, пали отъ усталости послѣ сраженія или отъ потери крови и даже легко раненые—погибли отъ голода и истощенія!

Изъ числа плѣнныхъ австрійцевъ многіе въ полномъ ужасѣ и страхѣ, такъ какъ имъ представили французовъ и, особенно зуавовъ, лютыми звѣрями; пріѣхавъ въ Брешию и увидавъ бульварь, они серьезно спрашивали на этихъ ли деревьяхъ ихъ будутъ вѣшать? многіе изъ нихъ, въ своемъ ослѣпленіи и невѣдѣніи, весьма странно относились къ добрымъ заботамъ о нихъ французскихъ солдатъ: такъ въ субботу утромъ, стрѣлокъ, сжалившись надъ лежавшимъ раненымъ австрійцемъ, подходитъ къ нему съ манеркой и даетъ пить; австріецъ, не вѣря такой добротѣ, хватаетъ ружье и изъ послѣднихъ силъ ударяетъ прикладомъ стрѣлка и контузитъ его въ ногу. Гвардейскій гренадеръ хочетъ поднять искалѣченнаго австрійскаго солдата; тотъ, имѣя при себѣ заряженный пистолеть, пускаетъ всѣ выстрѣлы въ упоръ въ желавшаго ему помочь француза. *)

„Не удивляйтесь грубости и жестокости нѣкоторыхъ нашихъ солдатъ, говорилъ мнѣ плѣнный австрійскій офицеръ, въ нашихъ войскахъ есть дикари, пришедшіе изъ отдаленнѣйшихъ провинцій имперіи, настоящіе варвары“.

Французскіе солдаты тоже хотѣли потѣшиться надъ нѣкоторыми плѣнными, принимая ихъ за кроатовъ и говоря, что эти „штаны въ обтяжку“, какъ они ихъ называли, всегда

*) Передъ битвой Маледьяно 8 Юня 1859 г. сардинскій часовой у аванпостовъ подпустилъ отрядъ австрійскихъ солдатъ; они выкололи ему глаза, говоря, чтобъ онъ въ другой разъ былъ дальновиднѣе; берсаліерець, отставшій отъ своей роты, попалъ въ руки австрійцевъ; они отрѣзали ему пальцы и отпустили, сказавъ по-итальянски: пусть тебѣ дадутъ пенсію. Будемъ надѣяться, что эти случаи, вполне достовѣрные, единственные въ своемъ родѣ во всей войнѣ Италіи.

добивали раненыхъ, но это были венгерцы, похожіе по мундиру, но далеко не такіе жестокіе; объяснивъ это различіе французскимъ солдатамъ, мнѣ довольно легко удалось выручить венгерцевъ, дрожавшихъ отъ страха.

Вообще въ характерѣ французовъ, за очень небольшими исключениями, самое доброжелательное отношеніе къ плѣннымъ: на примѣръ командиры оставили австрійскимъ офицерамъ сабли и шпаги; они пользуются одинаковымъ продовольствіемъ съ французскими офицерами; раненыхъ лѣчатъ тѣ-же доктора, и одному изъ нихъ позволили даже сѣздить за своими вещами. Многіе французскіе солдаты братски дѣлятъ пишу съ плѣнными, умирающими отъ голода; другія на своихъ спинахъ приносятъ раненыхъ противниковъ на перевязочные пункты и оказываютъ имъ всякія услуги съ полнымъ самоотверженіемъ и состраданіемъ. Даже офицеры заботятся объ австрійскихъ солдатахъ; одинъ изъ нихъ своимъ платкомъ перевязываетъ раскроенную голову тирольца, не имѣвшаго ничего, кромѣ старой окровавленной тряпки.

Если говорятъ о разныхъ единичныхъ случаяхъ, доказывающихъ мужество французской арміи и геройство ея офицеровъ и солдатъ, нельзя обойти молчаніемъ челоуѣколюбіе простыхъ солдатъ, ихъ доброту и участіе къ врагамъ побѣжденнымъ и плѣннымъ, такъ какъ эти качества столь же велики и доблестны, какъ храбрость. *)

*) Французскіе солдаты относились съ полнымъ уваженіемъ къ собственности и имуществу населенія и надо восхвалять ихъ дисциплину, вѣжливость, умѣренность и примѣрное поведеніе во все время войны въ Италіи. Воззваніе маршала Рельо де Сень-Мана д'Анжели и генерала Трошю по этому поводу, достойны быть приведенными и составляютъ славу тѣхъ, которые обратились съ подобными воззваніями къ своимъ солдатамъ.

„...Въ наступающемъ походѣ, говорилъ генералъ Трошю въ своемъ воззваніи отъ 4 Мая 1859 г., помѣченномъ Александріей, мы бодро будемъ переносить всѣ трудности и испытанія, уже начавшіяся для насъ; мы будемъ строго держаться дисциплины и закона и, въ исполненіи ихъ, я буду непоколебимъ, а въ бою мы не потерпимъ, чтобъ кто либо оказался храбрѣе насъ. Мы будемъ помнить, что жители наши союзники, мы будемъ уважать ихъ личность и имущество и будемъ вести войну челоуѣчно. Тогда наши стремленія будутъ благородны, Господь благословитъ ихъ и я, вашъ командиръ, буду считатьъ лучшимъ временемъ моей карьеры—командованіе второй дивизіей.“

18 Мая 1859 г. въ Маренго, маршалъ Рельо де Сень-Манъ д'Анжели

Давно признано, что военные вѣжливы и любезны, какъ всѣ порядочные люди, а французскіе офицеры вообще привѣтливы и рыцарски благородны; это постоянно подтверждаетъ генераль Сальмъ, который, взятый въ плѣнъ послѣ битвы Нервиндъ и, видя изысканно любезное обращеніе маршала де Люксембургъ, говорилъ кавалеру ди Розель: „Что вы за народъ? вы деретесь какъ львы, а, побѣдивъ врага, обращаетесь съ нимъ, какъ съ лучшимъ другомъ!“

Интендатское управленіе продолжаетъ подбирать раненыхъ и ихъ доставляютъ на носилкахъ или таратайкахъ, запряженныхъ мулами на перевязочные пункты, а оттуда— въ ближайшія селенія. Въ деревняхъ и городахъ всѣ церкви, монастыри, дома, площади, дворы, улицы, бульвары, все превращено во временные лазареты; Карнедоло, Кастиль Гоффредо, Медоль, Гвидицолло, Вольта и всѣ окрестныя мѣстности переполнены ранеными, но больше всего отправляютъ въ Кастиліоне, куда болѣе крѣпкіе дотащились сами.

Вотъ длинная вереница интендатскихъ фургоновъ, наполненныхъ солдатами и унтеръ-офицерами, офицерами всѣхъ чиновъ и родовъ оружія, окровавленныхъ, измученныхъ, въ пыли и грязи; потомъ мулы, идущіе рысью, причемъ каждый шагъ вызываетъ раздирающіе крики у несчастныхъ, которыхъ они везутъ. У одного нога раздроблена и чуть не оторвана отъ тѣла и каждый толчекъ таратайки усиливаетъ его страданія; у другого рука сломана и онъ старается здоровой поддержать больную; у одного капрала лѣвая рука проткнута ракетой; онъ самъ вытаскиваетъ ее и, опираясь на нее, добирается до Кастиліоне; многіе умираютъ въ пути и ихъ тѣла кладутъ при дорогѣ, а потомъ хоронятъ.

Раненыхъ должны были разсылать изъ Кастиліоне по госпиталямъ Брешии, Кремоны, Бергамо и Милана для правильнаго лѣченія и нужныхъ операций. Но австрійцы забрали на своемъ пути мѣстные экипажи, а средства перевозки во французской арміи были слишкомъ незначительны сравни-

обратился съ слѣдующими словами къ императорской гвардіи: „Гвардейскіе солдаты... вы должны всей арміи подавать примѣръ отваги въ опасности, порядка и дисциплины въ походахъ, умѣренности и спокойствія въ чужихъ странахъ. Воспоминаніе о семьѣ внушитъ вамъ сочувствіе къ населенію и уваженіе къ собственности и, будьте увѣрены, васъ ждетъ побѣда и слава“....

тельно съ ужасающей массой раненыхъ, поэтому имъ пришлось двое, трое сутокъ дожидаться отправки изъ Кастиліоне, гдѣ образовалось невообразимое скопленіе. *) Весь городъ превращается въ импровизированный госпиталь для французовъ и австрійцевъ; тамъ уже въ пятницу расположился перевязочный пунктъ главной квартиры, открыты были ящики съ корпіей, приготовлены лѣкарства и инструменты; жители дали все, что могли по части бѣлья, одѣяль, матрасовъ и тюфяковъ. Кастиліонская больница, церковь, монастырь и казармы Санъ Луиджи, церковь капуциновъ, жандармская казарма, церкви Маджіоре, Санъ Джіузеппо, Санта Розалія полны ранеными, лежащими прямо на соломѣ; кладутъ также солому на улицахъ, на дворахъ, на площадяхъ, наскоро сколачиваютъ досчатый навѣсъ или натягиваютъ парусину, чтобъ немножко предохранить отъ солнца раненыхъ, привозимыхъ одновременно, со всѣхъ сторонъ. Потомъ занимаютъ и частные дома; хозяйева радушно принимаютъ офицеровъ и солдатъ и всячески стараются облегчить ихъ положеніе, нѣкоторые бѣгаютъ, какъ растерянные, по городу отыскивая доктора для своихъ больныхъ, другіе съ отчаяніемъ просятъ убрать отъ нихъ умершихъ, которыхъ не знаютъ куда дѣвать. Въ Кастиліоне были привезены генералы де Ламиро, Діе и Оже, полковники Брутта, Бренкуръ и другіе высшіе офицеры; они въ вѣдѣніи опытнаго доктора, Бертерина, дѣлающаго операциі и ампутаціи. Двое главныхъ хирурговъ, доктора Лере и Гаспель, два итальянскихъ доктора помощники главныхъ докторовъ Ріолаччи и Лобштейнъ, въ продолженіи двухъ дней клали перевязки и даже ночью продолжаютъ свое трудное дѣло. Артиллерійскій генераль Оже, доставленный сначала въ Каза Марино, гдѣ находился перевязочный пунктъ главной квартиры маршала Макъ-Магона, въ корпусъ котораго онъ состоялъ, былъ отправленъ въ Кастиліоне: у него было раздроблено лѣвое плечо ядромъ, засѣвшимъ въ мускулы и остававшимся тамъ цѣлые сутки.

*) Кастиліоне дела Ситвиере лежитъ на разстояніи шести миль къ юго-востоку отъ Брешии и имѣетъ 5300 жителей. Недалеко отъ Кастиліоне, 5 Августа 1796 г., генераль Бонапарте, во главѣ итальянской арміи, одержалъ блестящую побѣду надъ австрійскимъ фельдмаршаломъ Вурмзеръ черезъ два дня послѣ взятія этого города генераломъ Оморо. Тутъ же, недалеко, на Кіевѣ, 19 Апрѣля 1706 года, герцогъ Вандомскій выигралъ сраженіе Кольцината, побѣдивъ маршала де Девентловъ, командовавшаго войсками, за отсутствіемъ принца Джена.

Онъ скончался 29, послѣ операціи вылушенія плеча для извлеченія ядра, вслѣдствіе развившейся гангрены.

Въ субботу транспорты раненыхъ такъ громадны, что администрація, жители и отрядъ войскъ, оставленный въ Кастиліоне, положительно не успѣваютъ подавать помощь. Тогда начинаются сцены столь же скорбныя, какъ наканунѣ, но въ другомъ родѣ: теперь есть вода и пища, но раненые всетаки умираютъ отъ голода и жажды; корпія масса, но не хватаетъ рукъ, чтобъ его прикладывать; большинство докторовъ должны были уѣхать въ Кавріану, фельдшеровъ мало и не за кого взяться въ эту ужасную минуту. Приходится какъ нибудь организовать добровольную службу, но это весьма трудно при такомъ страшномъ безпорядкѣ; въ довершеніе всего, жителей охватываетъ паника, которая еще увеличиваетъ неурядицу и вызываетъ ужасное волненіе среди раненыхъ.

Панику эту вызвало очень пустое и нелѣпное обстоятельство. Когда корпуса французской арміи собрались и размѣстились по своимъ позиціямъ, на другой день послѣ битвы, образовали отряды плѣнныхъ и направили ихъ въ Брешию, черезъ Кастиліоне и Монтекіаро. Одинъ изъ такихъ отрядовъ, подъ конвоемъ гусарь, шель изъ Кавріана въ Кастиліоне, гдѣ жители, завидѣвъ его издали, рѣшили, что это австрійская армія. Несмотря на всю нелѣпость этого извѣстія, принесеннаго крестьянами и распространяемаго мелкими торговцами, всегда сопровождающими армію въ походъ, городскіе жители повѣрили ему, видя этихъ людей задыхавшихся и въ полномъ ужасѣ. Сейчас же дома закрылись, жители заперлись, сожгли трехцвѣтные флаги, вывѣшенные у оконъ и укрылись, въ подвалахъ или на чердакахъ. Нѣкоторые убѣгаютъ въ поля съ женами и дѣтьми, унося съ собой самое цѣнное, другіе, менѣ испуганные, остаются дома, но переносятъ къ себѣ первыхъ попавшихся раненыхъ австрійцевъ, найденныхъ на улицѣ и осыпаютъ ихъ заботами и уваженіемъ. На улицахъ и на дорогахъ, запруженныхъ фурами, везущими раненыхъ въ Брешию и транспортами продовольствія для войска, идущими оттуда, происходитъ необычайная суматоха: фургоны мчатся во весь духъ, лошади бѣгутъ во всѣ стороны, раздаются крики ужаса и злобы, фуры съ кладью опрокинуты, цѣлые возы съ сухарями валяются въ канавы у дорогъ. Наконецъ, нанятые возчики, окончательно обезумѣвъ, выпря-

гають лошадей и скачуть по дорогѣ въ Монтекиаро и Брешию, вызывая вездѣ ужасъ и страхъ, опрокидывая встрѣчныя телѣги съ провіантомъ, ежедневно доставляемымъ городскимъ управленіемъ Брешии въ лагерь союзныхъ войскъ, задѣвая и давя раненыхъ, которые умоляютъ ихъ увести и, не внемля никакимъ уговорамъ, сдираютъ повязки и выходятъ, шатаясь, изъ церквей, не зная даже, далеко ли уйдутъ.

Сколько агоній и невообразимыхъ страданій—25, 26 и 27 іюня! Раны, растравленныя жарой, пылью, отсутствіемъ воды и ухода, стали еще болѣзненнѣе; злокачественныя испаренія заражаютъ воздухъ, не смотря на похвальные старанія интендантства хорошо содержать помѣшенія, превращенныя въ госпитали; недостатокъ фельдшеровъ и прислуги ощущается все сильнѣе, а транспорты раненыхъ, направляемые въ Кассиліоне, прибываютъ каждые четверть часа. Какъ ни дѣятельно работаетъ главный хирургъ и два, три, челоувѣка, завѣдующіе правильной отправкой раненыхъ на Брешию въ телѣгахъ, запряженныхъ волами, какъ ни горячо участіе жителей Брешии, которые, имѣя собственные экипажи, сами пріѣзжаютъ за больными,—отправленіе несравненно меньше прибытія и скопленіе все усиливается.

На полу, на плитахъ больницъ и церквей Кастиліоне положили рядомъ людей всѣхъ національностей, французовъ и арабовъ, нѣмцевъ и славянъ; нѣкоторые, забравшись въ уголь, ужъ не имѣютъ силы двинуться, другіе не могутъ тронуться отъ тѣсноты. Крики, брань, проклятія раздаются подъ сводами храмовъ.

— Ахъ! Какъ я страдаю! — говорили мнѣ эти несчастные,—насъ бросили, насъ оставляютъ умирать безъ помощи, а вѣдь мы хорошо дрались! — Не смотря на утомленіе и истощеніе, они не могутъ спать; они молятъ о врачебной помощи или, отъ отчаянія, корчатся въ судорогахъ, которыя приведутъ къ столбняку и смерти. Нѣкоторые солдаты воображаютъ, что холодная вода, которой обливаютъ ихъ уже загнившія раны, производитъ червей и не даютъ смачивать повязки; другихъ, уже получившихъ первую помощь, не перевязывали въ Кастиліоне и эти перевязки, страшно тугія въ виду тряски дороги, являлись для нихъ настоящей пыткой. У однихъ все лицо покрыто мухами, которыя лнутъ къ ранамъ, другіе вопросительно озираются растеряннымъ взглядомъ, у этихъ мундиръ, рубашка, тѣло

и кровь образовали какую то массу, въ которой уже завелись черви; они содрогаются при мысли, что ихъ съѣдятъ эти черви и думаютъ, что они выползаютъ изъ тѣла, но ихъ производятъ рои мухъ, носящихся въ воздухѣ. Вотъ солдатъ, совершенно обезображенный, языкъ высунуть чрезмѣрно, челюсть сломана и раздроблена; онъ мечется, хочетъ встать, я поливаю холодной водой его засохшія губы и огрубѣлый языкъ, потомъ беру корпіи, смачивая въ ведрѣ воды, которое несутъ за мной и выжимаю въ безформенное отверстіе, представляющее ротъ несчастнаго. Вотъ еще страдалецъ, у котораго часть лица срѣзана ударомъ сабли; носъ, губы и подбородокъ отрѣзаны; онъ не можетъ говорить, почти ослѣпъ, дѣлаетъ знаки рукой и издаетъ, какіе то горловые звуки, чѣмъ обращаетъ на себя вниманіе, я даю ему пить и поливаю водой его окровавленное лицо. Третій, съ раскroеннымъ черепомъ, умираетъ и мозгъ его льется на плиты церкви; товарищи отталкиваютъ его ногами, такъ какъ онъ загородилъ проходъ, я охраняю его послѣднія минуты и прикрываю платкомъ его бѣдную голову, которой онъ еще чуть-чуть шевелить.

Хотя каждый домъ превратился въ лазаретъ и каждой семьѣ достаточно было заботы съ принятыми офицерами, мнѣ удалось съ воскресенья завербовать нѣсколько простыхъ женщинъ, которыя старательно помогали ходить за ранеными; не требовалось ни ампутацій, ни сложныхъ перевязокъ, надо было давать ѣсть, а главное пить, людямъ, буквально умирающимъ отъ голода и жажды; надо омыывать раны, обмывать эти окровавленные тѣла, покрытые грязью и вшами и все это дѣлать въ удушливомъ, зловонномъ помѣщеніи, при столахъ страданія и злокачественныхъ испареніяхъ. Вскорѣ образовалась маленькая группа добровольныхъ сидѣлокъ и ломбардскія женщины бѣгутъ туда, гдѣ громче кричатъ, но не всегда больше страдаютъ. Я стараюсь насколько возможно организовать помощь тамъ, гдѣ она кажется всего нужнѣе и особенно занимаюсь одной изъ церквей Кастиліоне, стоящей на возвышеніи, на лѣво, если ѣхать отъ Брешии и называющейся, кажется, Кіеза Маджіоре. Туда свалено около пятисотъ солдатъ, да больше сотни лежатъ у церкви и подъ холстами, натянутыми, чтобы ихъ немножко защитить отъ солнца. Женщины ходятъ отъ одного къ другому съ ведрами и манерками, даютъ имъ пить и смачиваютъ раны. Нѣкоторыя изъ этихъ импровизи-

рованныхъ фельдшерицъ молодая, красивая дѣвушка; ихъ мягкость, доброта, чудные глаза полные слезъ и состраданія и ихъ ласковыя заботы прибодряютъ немножко больныхъ. Мѣстные мальчики ходятъ изъ церкви къ ближайшимъ фонтанамъ съ ведрами и лейками. Послѣ раздачи воды, идетъ раздача бульона и супа, который интенданство должно готовить въ неизвѣстномъ количествѣ. Вездѣ поставлены громадныя тюки съ корпѣй, каждый можетъ брать сколько нужно, но бинтовъ, тряпокъ и рубашекъ сильный недостатокъ; въ этомъ маленькомъ городкѣ, гдѣ уже прошло австрійское войско, запасы такъ невелики, что даже нельзя достать предметовъ первой необходимости, наши добрыя сидѣлки дали уже все старое бѣлье, какое у нихъ было, но, черезъ ихъ посредство, мнѣ удалось купить новыхъ рубашекъ. Въ понедѣльникъ утромъ я послалъ моего кучера въ Брешию за покупками; онъ вернулся черезъ нѣсколько часовъ съ кабриолетомъ, нагруженнымъ бѣльемъ, губками, бинтами, булавками, сигарами, табакомъ, ромашкой, мальвой, апельсинами, лимонами и сахаромъ, что дало возможность дѣлать освѣжающее питье, нетерпѣливо ожидаемое, промывать раны настоемъ мальвы, прикладывать тепловатыя компрессы и мѣнять бинты на перевязкахъ. Тѣмъ временемъ къ намъ еще присоединились добровольцы: старый морской офицеръ и двое туристовъ-англичанъ, которые, желая все видѣть, проникли въ церковь, гдѣ мы ихъ почти силой удержали. Двое другихъ англичанъ, наоборотъ, сразу выразили желаніе намъ помочь и стали одѣлать сигарами австрійцевъ. Итальянскій аббатъ, трое или четверо путешественниковъ и любопытныхъ, парижскій журналистъ, взявшій потомъ на себя завѣдываніе сосѣдней церковью и нѣсколько офицеровъ, которымъ приказано было остаться со своими отрядами въ Кастиліоне, предложили намъ свое содѣйствіе. Но вскорѣ одинъ изъ офицеровъ заболѣлъ отъ волненія и другіе отошли по очереди, чувствуя себя не въ силахъ переносить видъ страданій, которымъ не могутъ ощутительно помочь; аббатъ послѣдовалъ ихъ примѣру, но появился опять, любезно принесъ намъ душистыя травы и спиртъ. Молодой французъ-туристъ, потрясенный картиной этихъ живыхъ останковъ, разразился рыданіями. Торговецъ изъ Невшателя, въ продолженіи двухъ дней перевязывалъ раны и писалъ умирающимъ прощальныя письма къ роднымъ; пришлось, ради него же, умѣрить

его рвеніе а также успокоить возбужденіе сострадательнаго бельгійца, за котораго боялись, что онъ дойдетъ до горячки, какъ это случилось съ однимъ подъ-лейтенантомъ, ѣдущимъ изъ Милана въ свой полкъ. Нѣкоторые солдаты отряда, составляющаго гарнизонъ города, пробуютъ походить за товарищами, но тоже не могутъ вынести зрѣлища, такъ сильно дѣйствующаго на воображеніе и угнетающаго душу. Капраль генеральнаго штаба, раненый въ Мажентѣ и почти поправившійся, имѣя нѣсколько дней до срока возвращенія въ батальонъ, мужественно помогаетъ намъ, но два раза падаетъ въ обморокъ. Французскій интендантъ, пріѣхавшій въ Кастиліоне, даетъ, наконецъ, разрѣшеніе пользоваться плѣнными для больничной службы и трое австрійскихъ докторовъ являются помогать молодому доктору корсиканцу, который пристаеъ, требуя отъ меня письменнаго удостовѣренія его ревностнаго отношенія къ его обязанности за то время, когда я могъ слѣдить за его дѣятельностью. Нѣмецкій хирургъ, нарочно оставшійся на полѣ битвы, чтобъ помогать своимъ, самоотверженно ухаживаетъ за ранеными обѣихъ армій; въ благодарность его посылаютъ черезъ три дня въ Мантую, къ его соотечественникамъ.

„Не дайте мнѣ умереть!“—воскликали иные несчастные, удивительно быстро схватывая мою руку и умирали какъ только проходило это искусственное возбужденіе. Молодой капраль, лѣтъ двадцати, съ мягкимъ, выразительнымъ лицомъ, Клавдій Мазюэ, раненъ пулей въ лѣвый бокъ, его положеніе безнадежно и онъ самъ это понимаетъ; я помогъ ему напиться, онъ благодаритъ меня и говоритъ со слезами: „Еслибъ вы могли написать моему отцу, чтобъ онъ утѣшилъ мать!“, я взялъ адресъ его родителей; онъ умеръ черезъ нѣсколько минутъ *). Старый сержантъ, съ нѣсколькими нашивками, говорилъ мнѣ грустно и съ глубокимъ горькимъ убѣжденіемъ: „Еслибъ мнѣ раньше сдѣлали перевязку, я могъ бы жить, а теперь умру къ вечеру!“ И дѣйствительно онъ умеръ вечеромъ.

„Я не хочу умирать, не хочу!“ съ дикой энергіей кричитъ гвардейскій гренадеръ, молодой, здоровый человекъ,

*) Родители его жили въ Ліонѣ, улица Алжиръ, 3. Онъ былъ единственный сынъ, пошелъ добровольцемъ и они не имѣли свѣдѣній о немъ, кромѣ сообщенныхъ мною. Его, вѣроятно, какъ и многихъ другихъ, внесли въ списокъ пропавшихъ.

смертельно раненый, который сознает свою неизбежную гибель и отчаянно борется съ мрачнымъ призракомъ. Я говорю съ нимъ, онъ слушаетъ, успокаивается, примиряется и умираетъ тихо, какъ ребенокъ.

Тамъ налѣво, въ глубинѣ церкви, лежитъ на соломѣ африканскій стрѣлокъ, у него три раны, одна пуля прострѣлила правый бокъ, другая лѣвое плечо, а третья зашла въ правой ногѣ; теперь, воскресенье вечеръ, и онъ утверждаетъ, что ничего не ѣлъ съ пятницы утра; онъ весь покрытъ засохшей грязью и сгустками крови, платье разорвано, рубашка въ клочьяхъ. Я омылъ его раны, накормилъ бульономъ, прикрылъ одѣяломъ и онъ подноситъ мою руку къ своимъ губамъ съ выраженіемъ неизъяснимой благодарности. У входа въ церковь лежитъ венгерецъ, кричитъ неумолкая и, раздирающимъ голосомъ, по итальянски, зоветъ доктора. Всѣ его бока изодраны картечью и точно взрты желѣзными крюками, мясо виситъ клочьями; вздутое тѣло зеленовато-черное; онъ не можетъ ни сѣсть, ни лечь; я смачиваю массы корпіи въ водѣ и стараюсь уложить его на этой подстилкѣ, но гангрена скоро унесетъ его. Тамъ лежитъ зуавъ и плачетъ горькими слезами; его приходится утѣшать какъ ребенка. Перенесенныя усталости, отсутствіе пищи и сна, крайнее возбужденіе и болѣзнь умереть безъ помощи, вызываютъ даже у самыхъ храбрыхъ солдатъ нервную чувствительность, выражающуюся стонами и слезами. Главную, удручающую мысль, если они не слишкомъ жестоко страдаютъ, составляетъ воспоминаніе о матери и боязнь за ея горе, когда она узнаетъ объ участи сына. Нашли тѣло молодого солдата съ портретомъ пожилой женщины на груди; онъ лѣвой рукой прижималъ медальонъ къ сердцу.

Здѣсь, у стѣны, лежатъ около сотни солдатъ и унтеръ-офицеровъ, завернутыхъ въ одѣяла; они всѣ лежатъ рядомъ въ двѣ линіи съ проходомъ по срединѣ; имъ сдѣлали перевязки, накормили супомъ, они спокойны, довольны, слѣдятъ глазами за мной и поворачиваютъ головы въ мою сторону. „Сейчасъ видно, что это парижанинъ*), говорятъ

*) Я имѣлъ удовольствіе на слѣдующій годъ встрѣтить въ Парижѣ, на улицѣ Риволи, солдатъ-инвалидовъ, которые, узнавъ меня, остановились и благодарили за уходъ за ними въ Кастиліоне. „Мы звали васъ бѣлымъ господиномъ“, сказалъ одинъ изъ нихъ, „потому что вы все ходили въ бѣломъ; и жара же была тамъ“!

одни“. Нѣтъ, возражаютъ другіе, онъ больше похожъ на южанина“. „Вѣдь вы изъ Бордо, баринъ, правда?“—спрашиваетъ третій и каждый хочетъ, чтобъ я былъ уроженцемъ его города или провинціи. Нельзя не упомянуть о замѣчательномъ смиреніи большинства этихъ простыхъ солдатъ. Что представлялъ каждый изъ нихъ лично, отдѣльно, въ этихъ страшныхъ событіяхъ? Совсѣмъ ничтожную величину. Они страдали, часто даже не жалуясь, и умирали тихо и безропотно.

Раненые и плѣнные австрійцы рѣдко враждебно относились къ своимъ побѣдителямъ, но нѣкоторые отказывались отъ ухода и помощи, которымъ не довѣряли, срывали повязки и нарочно обнажали свои раны.

Одинъ кроатъ взялъ пулю, извлеченную изъ его раны и бросилъ ее въ голову хирурга; другіе молчаливы, мрачны, безучастны; вообще нѣтъ у нихъ общительности и подкупающей живости латинской расы; тѣмъ не менѣе, большинство принимаютъ уходъ и помощь и искренняя благодарность выражается на ихъ удивленныхъ лицахъ. Одинъ изъ нихъ, лѣтъ девятнадцати, запрятанъ въ глубинѣ церкви въ числѣ человекъ сорока своихъ соотечественниковъ и три дня не получалъ пищи; онъ лишился глаза, дрожитъ въ лихорадкѣ, не имѣетъ силъ говорить и едва могъ проглотить немножко бульона; мы выходили его, а когда его можно было, сутки спустя, отправить въ Брешию, онъ съ отчаяніемъ простался съ нами; его единственный, чудный голубой глазъ выражалъ глубокую благодарность и онъ цѣловалъ руки сердобольныхъ, кастилѳонскихъ женщинъ. Другой плѣнный дрожитъ въ лихорадкѣ и обращаетъ на себя вниманіе совершенно бѣлыми волосами, а ему нѣтъ и двадцати лѣтъ. Онъ посѣдѣлъ во время сраженія, какъ говоритъ самъ и какъ подтверждаютъ его товарищи *).

Сколько молодыхъ людей отъ восемнадцати до двадцати лѣтъ, грустно дошли сюда изъ глуши Германіи или изъ отдаленныхъ восточныхъ провинцій обширной австрійской имперіи; многіе шли невольню, насильно и теперь имъ придется испытывать, помимо тѣлесныхъ страданій и тяжести плѣна,

*) Я дѣлалъ докладъ объ этомъ случаѣ въ засѣданіи этнографическаго общества въ Парижѣ и объ нихъ упоминаетъ въ *Revue orientale et amérícaine* (январь 1850) М. Р. Кортамберъ въ своей замѣчательной статьѣ: „Волосы у различныхъ народовъ“.

враждебность миланцевъ, происходящую отъ ненависти къ ихъ расѣ и ихъ правителю; они увидятъ участіе, и расположеніе только по прибытіи во Францію. Бѣдныя матери въ Германіи, Австріи, Венгріи, Чехии, какъ ни подумать о вашихъ мученіяхъ, когда вы узнаете, что ваши раненые сыновья въ плѣну, въ этой враждебной странѣ! Но кастильонскія женщины, видя, что я не дѣлаю никакого различія между національностями, слѣдують моему примѣру и выказываютъ одинакую привѣтливость всѣмъ этимъ людямъ различныхъ народностей и одинаково чуждымъ имъ. „Tutti fratelli“, повторяли онѣ съ умиленіемъ. Честь и хвала этимъ добрымъ женщинамъ, этимъ молодымъ дѣвушкамъ! Ничто не отталкивало ихъ и въ своемъ скромномъ самоотверженіи, онѣ забывали и усталость, и отвращеніе и жертвы.

Сознаніе своего ничтожества и безсилія въ такія торжественныя и ужасныя минуты причиняетъ невыносимыя страданія; дѣйствительно ужасно не быть въ состояніи ни помочь тѣмъ, которые тутъ на глазахъ, ни добратъся до тѣхъ, которые васъ зовутъ и много часовъ пройдетъ, пока дойдешь, куда хочешь, такъ какъ на каждомъ шагу приходится останавливаться и наталкиваться на страданія, требующія неотложной помощи. Кромѣ того, отчего идти на лѣво, когда и на право многіе умираютъ одиноко, безъ единого слова утѣшенія, уже не говоря о стаканѣ воды для утоленія невыносимой жажды? Нравственное сознаніе важности человѣческой жизни, желаніе хоть сколько нибудь облегчить страданія этихъ несчастныхъ и ободрить ихъ упавшій духъ, усиленная и неустанная дѣятельность, вызванная такими событіями, порождаютъ особую, невѣдомую энергію и стремленіе помочь какъ можно большому числу людей; уже не останавливаешься надъ ужасающими картинами этой трагедіи, равнодушно проходишь мимо самыхъ обезображенныхъ труповъ; почти холодно смотришь на сцены даже страшнѣе здѣсь приведенныхъ, *) хотя перо

*) Такъ какъ я только черезъ три года коснулся этихъ тяжелыхъ воспоминаній, которыя не собирался предавать гласности, понятно, что онѣ отчасти сгладились и сокращены въ описаніи ужасовъ и страданій, которыхъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ. Если эти строки помогутъ ускоренію и развитію вопроса о подаяніи помощи раненымъ во время войны и объ уходѣ за ними сейчасъ же послѣ сраженія, если онѣ привлекутъ вниманіе людей отзывчивыхъ, если займутся изученіемъ и разработкой столь важнаго вопроса, вообщемъ если будетъ хоть шагъ къ

отказывается ихъ описывать; но иногда сердце точно сразу разорвется, его вдругъ, внезапно охватитъ горькой, безысходной тоской при видѣ какого нибудь отдѣльнаго случая, или неожиданной подробности, которая сильнѣе затронетъ и на нее отзовутся сокровеннѣйшіе тайники души.

Для солдата, снова вошедшаго въ колею обычной походной жизни, послѣ трудностей и волненій пережитыхъ въ такіе дни, какъ битва Сольферино, воспоминаніе о семьѣ и родинѣ становится ближе и живѣе, чѣмъ когда либо, это состояніе наглядно описано французскимъ офицеромъ въ трогательномъ письмѣ изъ Вольты къ брату, оставшемуся во Франціи:

„Ты не можешь себѣ представить волненіе солдата, когда появляется вахмистръ, завѣдующій раздачей писемъ; вѣдь онъ несетъ намъ вѣсти изъ Франціи, о родинѣ, о родныхъ, о друзьяхъ! Всѣ слушаютъ, смотрятъ и жадно протягиваютъ руки. Счастливы, получившіе письмо, быстро вскрываютъ и впиваются въ него глазами; другіе, обездоленные, съ стѣсненнымъ сердцемъ, молча отходятъ и думаютъ объ оставшихся тамъ. Иногда выкрикиваютъ имя, на которое никто не откликается. Ждутъ, спрашиваютъ, переглядываются... „Умеръ!“ проговоритъ чей нибудь голосъ; вахмистръ спрячетъ письмо и оно вернется нераспечатаннымъ къ тѣмъ, которые его писали. Они были счастливы, тогда, думали: „какъ онъ будетъ доволенъ, когда его получить!“ А теперь, когда оно вернется къ нимъ, у нихъ, бѣдныхъ, сердце разорвется“.

Улицы Кастиліоне стали спокойнѣе, смерть и отправки очистили мѣста, хотя раненые все еще прибываютъ, вездѣ начинаетъ водворяться порядокъ. Скопленіе происходило не отъ недостатка распорядительности или предусмотрительности интендантства, а отъ неожиданнаго и невообразимаго количества раненыхъ и, сравнительно, очень небольшого числа докторовъ, фельдшеровъ и служителей. Транспорты изъ Кастиліона въ Брешию правильнѣе; они состоятъ изъ фургоновъ и изъ грубыхъ телѣгъ, запряженныхъ волами, которые тащатся медленно, шагъ за шагомъ, подъ палящимъ солнцемъ и въ такой пыли, что нога по шиколку ух-

улучшенію въ такомъ дѣлѣ, гдѣ усовершенствованія необходимы даже въ самыхъ правильнѣе-организованныхъ арміяхъ,—я сочту мою цѣль достигнутой вполне.

дить въ песокъ, телѣги эти прикрыты вѣтками, но онѣ мало защищаютъ раненыхъ, почти наваленныхъ другъ на друга; можно себѣ представить пытку этого длиннаго переѣзда! Ласковое слово или ободряющій взглядъ радуютъ этихъ страдальцевъ и они поспѣшно, съ благодарностью отвѣчаютъ на нихъ. Во всѣхъ деревняхъ, по дорогѣ въ Брешию, крестьянки молча сидятъ у дверей и шипятъ корпій: когда подѣзжаетъ транспортъ, онѣ влѣзаютъ на телѣги, мѣняютъ компрессы, омывають раны, кладутъ свѣжій корпій, смоченный въ холодной водѣ и даютъ съ ложекъ бульонъ, вино, или лимонадъ тѣмъ, которые не могутъ шевельнуть ни рукой, ни головой. Обозы, безпрестанно привозящіе въ французскій лагерь провіантъ, фуражъ и всевозможные припасы изъ Франціи и Піемона, чтобъ не возвращаться по-рожными, увозятъ больныхъ въ Брешию. Во всѣхъ полкахъ, на пути транспортовъ, по распоряженію мѣстныхъ властей, приготовлены напитки, хлѣбъ и мясо. Въ Монтекіаро, въ трехъ маленькихъ мѣстныхъ больницахъ, всю службу несутъ крестьянки, разумно и съ большой добротой ухаживая за помѣщенными тамъ ранеными. Въ Гвидиццоло очень прилично помѣстили тысячу человѣкъ въ обширномъ замкѣ; въ Вольтѣ старинный монастырь пріютилъ сотни австрійцевъ. Въ Кавріана, въ главной церкви, помѣстили совершенно изувѣченныхъ австрійцевъ, которые двое сутокъ пролежали подъ навѣсомъ гауптвахты; въ амбулаторіи главной кватиры дѣлаютъ операціи подъ хлороформомъ, который у австрійцевъ почти моментально притупляетъ чувствительность, а у французовъ вызываетъ нервныя подергиванья и сильнѣйшее возбужденіе.

Жители Кавріана совершенно лишены запасовъ и продуктовъ, ихъ кормятъ гвардейскіе солдаты; поля разорены, всѣ продукты, могущіе быть проданными, были проданы австрійской арміи или захвачены ею. Французской арміи, не имѣющей недостатка въ провизіи, благодаря распорядительности и точности администраціи, очень трудно, однако, доставать масло, сало и овощи; австрійцы захватили почти весь скотъ и союзныя войска могутъ только имѣть маисовую муку въ мѣстностяхъ своихъ стоянокъ. Тѣмъ не менѣе все, что ломбардскіе крестьяне могутъ еще продать для довольствія войска, покупается у нихъ по высокой цѣнѣ, оцѣнка производится всегда такъ, чтобъ продавцы были довольны; за все, что обязательно берется для французской

арміи, какъ фуражъ, картофель и другіе полевые продукты, щедро платится жителямъ, которымъ также возвращены были убытки, причиненные сраженіемъ.

Раненые сардинской арміи, поставленные въ Дезенцано, Роволтелло, Лонато и Поццоленго находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ привезенные въ Кастиліоне: первые два изъ этихъ городовъ не были послѣдовательно заняты двумя арміями, поэтому тамъ больше запасовъ, больницы лучше содержаны, жители, менѣе напуганные, дѣятельно помогаютъ въ больничной службѣ, а больные, которыхъ отправляютъ оттуда въ Брешию въ хорошихъ телѣгахъ, съ мягкой сѣнной подстилкой, защищены отъ солнца шатромъ, сплетеннымъ изъ толстыхъ вѣтвей и затянутымъ плотной парусиной.

Изнемогая отъ усталости и совершенно потерявъ сонъ, я велѣлъ заложить кабриолетъ и выѣхалъ 27-го, около шести часовъ подышать вечерней прохладой и отдохнуть немного отъ тяжелыхъ картинъ, окружающихъ меня со всѣхъ сторонъ въ Кастиліоне. День былъ удачно выбранъ, такъ какъ никакого передвиженія войскъ не было назначено на понедѣльникъ, (какъ я узналъ потомъ). Спокойствіе замѣнило страшное возбужденіе предшествующихъ дней на этомъ полѣ сраженія, уныломъ и мрачномъ, не оживленномъ страстью и одушевленіемъ. Кое гдѣ лужи застывшей крови окрашиваютъ землю и взрытая почва, посыпанная известью указываетъ мѣста погребенія жертвъ 24-го. Въ Сольферино, съ его четырехугольной башней, невозмутимо и гордо возвышающейся надъ этой мѣстностью, гдѣ уже въ третій разъ столкнулись двѣ сильнѣйшія изъ современныхъ державъ, поднимаются еще многочисленные печальные остатки, разбросанные даже по кладбищу и окровавленнымъ могильнымъ плитамъ. Около девяти часовъ я пріѣхалъ въ Кавріану; боевая обстановка, окружающая главную квартиру императора французовъ, представляетъ величественное зрѣлище. Я искалъ маршала герцога де Мажента, съ которымъ имѣлъ честь быть лично знакомымъ и, не зная на вѣрно, гдѣ расположенъ въ данную минуту его корпусъ, велѣлъ кучеру остановиться на маленькой площади противъ дома, въ которомъ съ пятницы вечера жилъ императоръ Наполеонъ; я оказался среди группы генераловъ, сидѣвшихъ на простыхъ соломенныхъ стульяхъ, или на деревянныхъ табуреткахъ; они курили сигары и наслаждались прохладой

передъ имировизированнымъ дворцомъ ихъ повелителя. Пока я справлялся о мѣстѣ пребыванія маршала Макъ-Магона, генералы тоже спрашиваютъ капрала, сидящаго у меня на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, и котораго они принимаютъ за моего денщика, *) имъ хотѣлось знать кто я такой и какое порученіе на меня возложено; они никакъ не могли себѣ представить, чтобъ простой туристъ рѣшился странствовать одинъ по лагерямъ и, добравшись до Кавріана, намѣревался ѣхать еще дальше въ такой поздній часъ ночи. Капраль, тоже ничего не знавшій, остался, конечно, неприкосновенъ, очень почтительно отвѣчая на ихъ вопросы, и ихъ любопытство еще возросло, когда я направился въ Бангето, гдѣ долженъ былъ находиться герцогъ Мажента. Второй корпусъ, которымъ командовалъ маршалъ, выступилъ 26 изъ Кавріана въ Кастелларо, на разстояніи пяти километровъ и его дивизіи расположились по обѣ стороны дороги изъ Кастелларо въ Манцамбано; самъ маршалъ, со своимъ штабомъ, занялъ Баргетто. Тѣмъ временемъ ночь надвигалась: получивъ весьма неточныя указанія, мы черезъ часъ сбились съ пути и, взявъ дорогу на Вольту, прямо попали на корпусъ генерала Ніеля, только три дня произведеннаго въ маршалы, который занялъ окрестности этого городка. Неясный гулъ голосовъ надъ яснымъ звѣзднымъ небомъ, бивачные огни, поддерживаемые цѣлыми деревьями, освѣщенные палатки офицеровъ, весь этотъ шумъ лагеря еще бодрствующаго, но ужъ готовящагося ко сну, даютъ пріятный отдыхъ натянутому и возбужденному воображенію; ночныя тѣни и торжественная тишина смѣняютъ шумъ и разнородныя волненія дня, а мягкій воздухъ итальянской ночи вдыхается съ наслажденіемъ.

На моего кучера, итальянца, этотъ полумракъ и близость непріятели наводили такой страхъ, что мнѣ не разъ приходилось брать у него возжи или передавать ихъ капралу.

*) Этотъ капраль былъ раненъ при Мажентѣ и возвращаясь, по выздоровленіи въ свой батальонъ, много помогалъ фельдшерамъ въ Кастиліоне; я охотно принялъ его предложеніе сопутствовать мнѣ въ моей поѣздкѣ по лагерямъ, гдѣ его чинъ и званіе могли служить мнѣ пропускомъ. Въ тотъ же день, 27 іюня, двое англичанъ, пожелавшихъ проникнуть во внутрь французскихъ линій, были приняты солдатами за нѣмецкихъ шпіоновъ и протащены черезъ весь лагерь пока, на ихъ счастье, не встрѣтили маршала командующаго корпусомъ, который разъяснилъ недоразумѣніе. Впрочемъ, англичане остались очень довольны своимъ приключеніемъ.

Бѣднякъ удраль дней десять тому назадъ изъ Мантуи, чтобъ избавиться отъ австрійской службы, укрылся въ Брешии и поступилъ къ каретнику, который посылалъ его кучеромъ. Его страхъ еще усилился, когда, невдалекѣ, какой то австрійецъ, завидя насъ, выстрѣлилъ и скрылся въ кустахъ: при отступленіи австрійской арміи, нѣсколько бѣглыхъ солдатъ спрятались въ подвалахъ домовъ, заброшенныхъ хозяевами и наполовину разоренныхъ; одинокіе, дрожащіе, они сначала питались тѣмъ, что нашли въ подвалахъ; потомъ убѣжали въ поля и блуждали по ночамъ. Теперь мантуанецъ уже совсѣмъ не могъ править лошадыю; онъ вертѣлся во всѣ стороны, впивался растерянными глазами въ каждый кустъ, вездѣ ожидая спрятавшагося австрійца, готоваго въ него стрѣлять; онъ дрожалъ при каждомъ поворотѣ дороги и чуть не упалъ въ обморокъ, когда, неожиданно выстрѣлилъ часовой, на котораго мы натолкнулись въ темнотѣ; тоже повторилось при видѣ открытаго дождеваго зонтика, пробитаго тремя бомбами, съ пулями, стоящаго у тропинкѣ въ Вольту. Этотъ зонтикъ принадлежалъ, вѣроятно, одной изъ маркитантокъ французской аріи и былъ унесенъ вѣтромъ во время грозы.

Мы вернулись на настоящую дорогу въ Боргето; было больше одиннадцати часовъ ночи, наша лошадь бѣжала полной рысью и легкой экипажъ безшумно катился по Страда Кавалиара, когда вдругъ натолкнулись на новое приключеніе: „Кто идетъ, кто идетъ, или я стрѣляю!“ Однимъ духомъ проговорилъ конный часовой. Франція! громко откликнулся капраль и началъ подробно рапортовать: „Капраль перваго инженернаго корпуса, седьмой роты...“ „Проходите!“ послышался отвѣтъ. Наконецъ, въ двѣнадцать часовъ безъ четверти, мы благополучно добрались до Боргето. *)

Тутъ все темно и безмолвно; но въ одномъ изъ нижнихъ этажей на главной улицѣ свѣтится огонекъ; тамъ, въ низкой комнаткѣ, занимаются офицеры; они прерваны въ своемъ дѣлѣ, очень удивлены неожиданнымъ посѣщеніемъ въ такой неурочный часъ, но, тѣмъ не менѣе, очень любезны.

*) Боргето, мѣстечко въ двѣ тысячи жителей на правомъ берегу Минчіо, почти противъ Валеждіо. Въ 1848 г. сардинскія войска, подъ предводительствомъ короля Карла-Альберта, перешли тутъ Минчіо, не смотря на сильное сопротивленіе австрійцевъ, которыми командовалъ фельдмаршалъ Радецкій.

Одинъ изъ нихъ, М. А. Утрей, казначей, не выдавъ даже моихъ рекомендательныхъ писемъ, предложилъ мнѣ гостеприимство: его деньщикъ принесъ матрацъ, на который я легъ совсѣмъ одѣтый, въ надеждѣ заснуть на нѣсколько часовъ, предварительно выпивъ прекрѣпкаго бульона; онъ показался мнѣ тѣмъ болѣе вкуснымъ, что я нѣсколько дней ничего путнаго не ѣлъ. Я спалъ спокойно, не задыхаясь, какъ въ Кастиліоне отъ зловонныхъ испареній, и меня не тревожили мухи, которыя, насытившись трупами, приходятъ еще мучить живыхъ. Капраль и кучеръ устроились на волѣ, въ экипажѣ; но бѣдный мантуецъ отъ страха не сомкнулъ глазъ во всю ночь и я засталъ его чуть живымъ.

28-го, въ шесть часовъ утра, я былъ принять самымъ любезнымъ и привѣтливымъ образомъ добрымъ и рыцарски благороднымъ маршаломъ Макъ-Магономъ, справедливо названнымъ кумиромъ своихъ солдатъ, *) и въ десять часовъ я былъ въ Кавріана, въ домѣ, ставшимъ историческимъ, такъ какъ въ немъ были въ одинъ день, 24 іюля, два великихъ враждующихъ монарха. Въ тотъ же день, въ три часа, я вернулся къ моимъ больнымъ въ Кастиліоне, которые очень мнѣ обрадовались, а 30 іюня я былъ въ Брешии.

Этотъ красивый, живописный городъ превращенъ не въ большую временную амбулаторію, какъ Кастиліоне, а въ громадный госпиталь: оба собора, всѣ церкви, всѣ дворцы, всѣ монастыри, всѣ школы, всѣ казармы, однимъ словомъ, всѣ зданія переполнены жертвами Сольферино. Пятнадцать

*) Герцогъ Маженто очень любимъ французской арміей; солдаты одинаково любятъ и почитаютъ его. Вотъ тому примѣръ: Въ 1856 г. въ Алжирѣ, на Константиновской дорогѣ, два бывшихъ зуавъ сидѣли въ дилижансѣ, а я—рядомъ, въ отдѣльномъ купѣ; они ѣхали въ Ритну работниками, рубить деревья въ лѣсахъ, говорили своимъ образнымъ языкомъ о восточной войнѣ и о маршалѣ Макъ-Магонѣ. Нѣсколько фразъ, долетѣли до меня. Развѣ есть другой такой генераль? говорилъ одинъ изъ нихъ. Вотъ умѣлъ нами командовать! Мы, старые солдаты, старые волки, никогда ничего не боялись и всетаки мы плакали; помнишь, какъ онъ съ нами говорилъ, когда мы выслужили срокъ, когда онъ прощался съ нами и сказалъ: дѣти мои, вы храбро служили подъ знаменами, теперь вы возвращаетесь къ частной жизни, никогда не совершайте низкихъ поступковъ, помните, что у васъ есть отецъ—и этотъ отецъ я! и мой кошелекъ принадлежитъ вамъ! прибавилъ онъ, ударяя себя въ грудь. Всѣ пожмите мнѣ руку... Помнишь, какъ онъ бросилъ намъ свой кошелекъ, полный золота, и сказалъ: дѣлитесь, но главное не ссорьтесь! и мы всѣ плакали, какъ дѣвченки.

тысячъ кроватей поставили со дня на день; жители сдѣлали больше чѣмъ когда либо дѣлалось при такихъ событіяхъ. Въ центрѣ города древняя базилика, называемая il Duomo veschio или Ротанда, съ двумя часовнями, содержитъ тысячу раненыхъ; народъ толпами стремится къ нимъ, а женщины всѣхъ сословій приносятъ массу апельсинъ, бисквитъ, конфектъ и всевозможныхъ лакомствъ; скромная вдова и самая бѣдная старушка считаетъ своимъ долгомъ принести свою лепту и свою долю участія; то же повторяется и въ новомъ соборѣ, чудномъ зданіи изъ бѣлаго мрамора съ громаднымъ куполомъ, гдѣ нашли пріютъ сотни раненыхъ и въ сорока другихъ зданіяхъ, содержащихъ вмѣстѣ около двадцати тысячъ раненыхъ и больныхъ.

Городское управленіе Брешии оказалось на высотѣ своего призванія и высокихъ обязанностей, наложенныхъ на нихъ исключительными обстоятельствами; оно привлекло участіе выдающихся гражданъ, которые дѣятельно ему помогали. По предложенію извѣстнаго доктора Бартоломо Гуанна и подъ его предсѣдательствомъ, назначена была, для общаго управленія больницами, центральная коммиссія, въ составѣ докторовъ Корболани, Орефиги, Баллини, Банигелли, Касса, С. Маджи и Абени, которые не жалѣли своихъ трудовъ ни днемъ, ни ночью. Эта коммиссія поставила во главѣ каждой больницы отдѣльнаго администратора и главнаго хирурга, а въ помощь ему, нѣсколько докторовъ и извѣстное число фельдшеровъ. Открывая монастырь, школу, или церковь, она создавала, какъ по волшебству, въ нѣсколько часовъ, больницу, снабженную сотнями кроватей, съ просторной кухней и прачешной, съ полнымъ запасомъ бѣлья и всего необходимаго. Все это дѣлалось такъ быстро, съ такой горячей отзывчивостью, что можно было только дивиться порядку и правильной работѣ этихъ многочисленныхъ больницъ, тѣмъ болѣе, что населеніе Брешии, насчитывающее сорокъ тысячъ жителей, сразу почти удвоилось прибытіемъ тридцати тысячъ больныхъ и раненыхъ. *) Какъ не упомянуть,

*) Съ 15 іюня по 13 августа по официальнымъ источникамъ, въ больницы Брешии было принято только лихорадочныхъ и больныхъ 19.665 солдатъ, изъ нихъ болѣе 19.000 принадлежали франко-сардинской арміи. Австрійцы, съ своей стороны, имѣли тоже, по меньшей мѣрѣ, 20.000 больныхъ въ своихъ больницахъ въ Венеціи, не говоря о массѣ раненыхъ, которыхъ туда привозили.

что доктора, въ числѣ ста сорока человѣкъ, во все время своей тяжелой и утомительной службы, выказали самозабвенную преданность дѣлу и, ни на минуту, ни соревнованіе, ни соперничество не нарушили ихъ единодушнаго служенія общему благу; имъ помогали студенты медики и нѣсколько добровольныхъ труженниковъ. Образовались вспомогательные комитеты и была назначена особая комиссія для пріема пожертвованій бѣльемъ, вещами и всякими запасами, а другая—для завѣдыванія складомъ. *)

Въ обширныхъ больничныхъ залахъ офицеры, обыкновенно, отдѣлены отъ солдатъ и австрійцы отъ союзниковъ; кровати одинакія, но надъ каждымъ больнымъ полка съ его мундиромъ и кэпи, опредѣляющіе къ какому роду оружія онъ принадлежитъ.

Рядомъ съ сильными, спокойными людьми, есть и такіе, которые ропшутъ и жалуются: въ первые дни всѣ раны, кажутся одинаково опасными. У французскихъ солдатъ видѣнъ латинскій духъ, живой, гибкій, уживчивый, притомъ твердый и энергичный, но нетерпѣливый и выходящій изъ себя при малѣйшемъ противорѣчій. Они не задумываются, не грустятъ и, по безопасности своей, легче соглашаются на операциі, чѣмъ австрійцы, которые ужасно боятся ампутацій и очень горюютъ въ своемъ одиночествѣ. Итальянскіе доктора, въ своихъ длинныхъ черныхъ одеждахъ, съ величайшимъ почтеніемъ ухаживаютъ за больными французами, но система лѣченія нѣкоторыхъ изъ нихъ приводитъ въ отчаяніе больныхъ, такъ какъ они предписываютъ діету, кровопусканіе и тамариндовую воду.

Я вижу тутъ многихъ изъ нашихъ кастиліонскихъ раненыхъ, которые узнаютъ меня: уходъ за ними лучше, но ихъ испытанія еще не кончены. Вотъ одинъ изъ геройскихъ гвардейскихъ стрѣлковъ, раненый въ ногу, который былъ въ Кастиліоне, гдѣ я дѣлалъ ему первую перевязку: онъ лежитъ съ выраженіемъ ужаснаго страданія; глаза ввалились и горятъ, блѣдное, желтое лицо доказываетъ, что къ его

*) Въ первой комиссіи были Паллавични, Глизенти, Аверольди, Сиенна, адвокаты Цукколи и Контеръ и каноникъ Дасса; во второй Базинетти, Каприоли, Роветта и Да Панте, „Въ нашемъ городѣ 40.000 жителей, сказалъ передъ сраженіемъ мэръ Брешии, значить у насъ будетъ 40,000 свободныхъ кроватей“.

мученіямъ еще присоединилось гнойное зараженіе крови, губы пересохли, голосъ дрожить. Вся бодрость его замѣнилась боязливостью, даже ухоть его раздражаетъ; онъ все боится, что тронуть его ногу, уже охваченную гангреной. Французскій хирургъ, производящій операциі, проходитъ мимо его кровати; онъ хватается его руки въ свои, которыя горячи, какъ раскаленное желѣзо. „Не дѣлайте мнѣ больно, я страдаю невыносимо!“ восклицаетъ онъ.

Но надо дѣйствовать, не теряя времени: еще двадцать раненыхъ надо оперировать въ то-же утро, сто пятьдесятъ человекъ ждутъ перевязки, нельзя разжалобиться однимъ и задерживаться его колебаніями. Хирургъ, добрый, но холодный и рѣшительный, говоритъ только: „предоставьте это мнѣ“ и быстро откидываетъ одѣяло. Раздробленная нога вдвое увеличилась въ объемъ, изъ трехъ мѣстъ течетъ обильный, зловонный гной; красно лиловыя пятна доказываютъ, что артерія лопнула и эта часть тѣла не имѣетъ питанія; значитъ единственная надежда, если она еще существуетъ, ампутировать ногу у бедра.

Ампутація! ужасное слово для несчастнаго молодого человека, которому предстоитъ или близкая смерть или жалкое существованіе калѣки. Ему и времени нѣтъ приготовиться. „Боже! Боже! что вы хотите дѣлать?“ спрашиваетъ онъ весь дрожа. Хирургъ не отвѣчаетъ. „Фельдшеръ, переносите, скорѣй!“

Отчаянный крикъ вырывается изъ впалой груди: неловкій фельдшеръ тронулъ безжизненную, но страшно болѣзненную ногу слишкомъ близко около раны: раздробленные кости вонзились въ тѣло, причиняя еще новое мученіе несчастному солдату, а теперь нога болтается отъ сотрясенія пока его несутъ въ операционный залъ. Ужасное шествіе! точно жертву ведутъ на закланіе. Наконецъ его кладутъ на столъ, на тонкій матрацъ; рядомъ и на другомъ столѣ инструменты, скрытые подъ салфеткой. Хирургъ ничего не видитъ и не слышитъ, всецѣло погруженный въ операцию, молодой помощникъ его держитъ руки больного, а фельдшеръ, схвативъ здоровую ногу изо всѣхъ силъ тянетъ его на край стола. „Вы меня уроните! испуганно кричитъ больной и судорожно обхватываетъ молодого доктора, блѣднаго и взволнованнаго. Хирургъ снялъ сюртукъ, засучилъ рукава до плечъ и надѣлъ длинный, широкой фартукъ; ставъ однимъ колѣномъ на полъ, вооружившись ужаснымъ но-

жемъ, онъ обхватываетъ рукой бедро солдата и однимъ взмахомъ взрѣзаетъ кожу по всей окружности. Раздирающій крикъ оглашаетъ больницу; молодой докторъ лицомъ къ лицу со страдальцемъ можетъ слѣдить за мельчайшими подробностями этой мучительной агоніи: „Потерпите! шепчетъ онъ солдату, чувствуя какъ его руки впиваются ему въ спину, еще двѣ минутки и вамъ будетъ хорошо!“ Хирургъ поднялся и началъ отдѣлять кожу отъ мускуловъ, потомъ, вторымъ сильнымъ взмахомъ ножа перерубилъ всѣ мускулы до кости; потокъ крови хлынулъ изъ артерій, окативъ оператора и разлился по полу.

Опытный докторъ, спокойный и невозмутимый, не говорить ни слова, но вдругъ, въ тишинѣ, раздается сердитый окрикъ, обращенный къ неумѣлому фельдшеру: „Болванъ! вы не умѣете прижать артеріи!“

Фельдшеръ не сумѣлъ предотвратить кровотечение сильно сдавивъ сосуды. Раненый, изнемогая, отъ боли, слабо шепчетъ: „Довольно! дайте мнѣ умереть!“ и холодный потъ выступаетъ на его лицѣ; но надо еще перетерпѣть минуту, а эта минута—цѣлая вѣчность. Ассистентъ считаетъ секунды, напряженно глядя то на хирурга, то на пациента и шепчетъ, стараясь ободрить его:

„Еще одна минутка! Теперь пришла очередь пилы и уже слышно какъ она скрипитъ по живой кости, отдѣляя отъ тѣла полусгнившую ногу. Но страданія непосильны для измученнаго, истощеннаго организма и больной теряетъ сознание: хирургъ, не слыша стоновъ, озабоченно смотритъ на него, боясь что это спокойствіе смерти; подъ вліяніемъ подкрѣпляющихъ средствъ онъ только чуть-чуть пріоткрываетъ потухшіе глаза; умирающій всетаки какъ будто оживаетъ; онъ разбитъ, обезсиленъ, но жестокія страданія прекратились.....

Въ сосѣдней больницѣ примѣняютъ хлороформъ: тогда пациенты, особенно французы, переживаютъ два рѣзко противоположныхъ періода; они переходятъ отъ возбужденія, доходящаго иногда до бѣшенства, къ полному оцѣпенѣнію, похожему на летаргію; нѣкоторые военные, злоупотребляющіе спиртными напитками, чрезвычайно трудно поддаются анестезирующему вліянію хлороформа. Смертные случаи при хлороформѣ далеко не такъ рѣдки, какъ это думаютъ и часто пропадаютъ всѣ старанія вернуть къ жизни человека, говорившаго нѣсколько минутъ тому назадъ.

Можно себѣ представить такого рода операцию надъ австрійцемъ, неговорящимъ ни по французски, ни по итальянски и котораго доброжелательные палачи ведутъ какъ барана на бойню! Французы вездѣ встрѣчаютъ сочувствіе; ихъ холятъ, лелѣютъ, ободряютъ, а когда заговорятъ о Сольферино, они оживляются и рассказываютъ, эти славные для нихъ воспоминанія, отвлекаютъ мысли отъ личныхъ страданій и облегчаютъ ихъ положеніе. Австрійцы не имѣютъ этихъ преимуществъ. Я добиваюсь пропуска въ больницы, гдѣ они лежатъ, или почти насильно проникаю въ ихъ палаты. Съ какой благодарностью они принимаютъ ласковое обращеніе и принесеніе табаку. На ихъ смиренныхъ, кроткихъ лицахъ отражаются чувства, которыя они неумѣютъ выразить, а взгляды краснорѣчивѣе всякихъ благодарностей; особенно офицеры цѣнятъ всякое вниманіе. Съ ними, также какъ и съ солдатами, обращаются хорошо, гуманно, но жители Брешии не выказываютъ имъ никакого участія. Въ одной изъ больницъ, принцъ Изембургскій занимаетъ, вмѣстѣ съ другимъ нѣмецкимъ принцемъ, маленькую отдѣльную, довольно удобную комнату.

Нѣсколько дней кряду я раздаю табакъ, трубки и сигары въ больницахъ и церквяхъ, гдѣ куреніе табаку благотворно парализуетъ вліяніе зловонныхъ испареній, происходящихъ отъ скопленія такой массы больныхъ въ душныхъ и жаркихъ помѣщеніяхъ. Весь запасъ табаку въ Брешии скоро истощился и пришлось его выписывать изъ Милана. Только табакъ и подбадривалъ раненыхъ передъ ампутаціей; многіе курили во время операциі, нѣкоторые—умирали съ трубкой въ зубахъ.

Одинъ изъ достойныхъ жителей Брешии, г. Карло Брогетти, самъ любезно возить меня въ своемъ экипажѣ по больницамъ и помогаетъ мнѣ раздавать табакъ, завернутый торговцами въ тысячи отдѣльныхъ пакетиковъ, которые носятъ за нами въ огромныхъ корзинахъ солдаты-служители. Меня вездѣ хорошо принимаютъ, только ломбардскій докторъ, графъ Калини, одинъ изъ всѣхъ, не пожелалъ дозволить раздачу табаку въ военномъ госпиталѣ Санъ-Люка состоящимъ въ его вѣдѣніи; всѣ же остальные доктора, напротивъ, были такъ же благодарны за такіе подарки, какъ ихъ больные. Эта маленькая неудача не остановила меня и я долженъ сказать, что она была первымъ и единственнымъ препятствіемъ, на которое мнѣ пришлось натолкнуться;

удивительно даже, что мнѣ ни разу не пришлось предъявлять ни мой паспортъ, ни рекомендательныя письма однихъ генераловъ *) къ другимъ, которыхъ не мало было въ моемъ бумажникѣ. Я не отступился, и въ тотъ же день, послѣ второй попытки въ Санъ-Люка, мнѣ удалось добиться щедрой раздачи табаку бѣднымъ больнымъ, которыхъ я совершенно невольно подвергъ танталовымъ мукамъ; видя меня—они не удержались отъ радостныхъ восклицаній и вздоховъ облегченія.

Во время моихъ странствованій, я попадаю въ цѣлый рядъ комнатъ, составляющихъ второй этажъ обширнаго монастыря, нѣчто въ родѣ лабиринта, первый и подвальные этажи котораго наполнены больными. Въ одной изъ этихъ высокихъ комнатъ четверо или пятеро раненыхъ, во второй десять, или пятнадцать, въ третьей около двадцати; всѣ лежатъ на кроватяхъ, но безъ всякаго ухода и горько жалуются, что не видѣли ни одного фельдшера въ теченіе многихъ часовъ. Они умоляютъ дать имъ бульона вмѣсто ледяной воды, поставленной имъ какъ единственное питье. Въ концѣ длиннѣйшаго корридора, въ отдѣльной комнатѣ, одиноко умиралъ, неподвижно лежа на кровати, молодой берсальеръ, охваченный столбнякомъ; глаза его открыты, онъ кажется еще полнымъ жизненныхъ силъ, но уже ничего не слышитъ, не понимаетъ и его бросили, какъ безнадежнаго. Многіе французскіе солдаты просятъ меня написать ихъ роднымъ, а другіе командирамъ, которые, въ ихъ глазахъ, замѣняютъ отсутствующую семью. Въ госпиталѣ Санъ-Клеманъ, графиня Бронна посвятила себя уходу за ампутированными; французскіе солдаты съ восторгомъ говорятъ о ней. Я мать! сказала она мнѣ съ трогательной простотой. Это слово объясняетъ всю полноту ея самоотверженія.

Меня часто останавливаютъ на улицахъ горожане, умоляя зайти и служить переводчикомъ раненымъ командирамъ, капитанамъ и лейтенантамъ, которыхъ они пріютили

*) Именно: отъ генерала маркиза де Бофоръ д'Отпуль, столь же извѣстнаго своей добротой и привѣтливостью, какъ и выдающимися военными доблестями: онъ былъ главнымъ начальникомъ штаба корпуса, занявшаго Тоскану, потомъ былъ главнокомандующимъ Сирійской экспедиціей. Генераль Бофоръ, племянникъ покойнаго графа де Бюде, бывшаго членомъ генеральнаго совѣта Эны. Онъ умеръ въ Женевѣ въ іюлѣ 1862 г., оплакиваемый всѣми, кто его зналъ.

у себя; они старательно ухаживают за ними, но тѣ не говорятъ по итальянски и они не понимаютъ другъ друга; больной волнуется, раздражается, а его хозяева въ отчаяніи, что ихъ искреннія заботы такъ плохо оцѣнены; иногда офицеръ, которому итальянскій докторъ хочетъ сдѣлать кровопусканіе воображаетъ, что его собираются ампутировать, отбивается изо всѣхъ силъ, и причиняетъ себѣ страшный вредъ; только объясненія на родномъ языкѣ могутъ разсѣять эти грустныя недоразумѣнія и успокоить бѣдныхъ воиновъ. Съ какой добротой и терпѣніемъ жители Брешии ухаживаютъ за героями, избавившими ихъ, цѣной жизни и здоровья, отъ чужеземнаго гнета! Для нихъ истинное горе, когда ихъ больные умираютъ. Трогательно смотрѣть, какъ они всею семьей провожаютъ на Campo Santo до послѣдняго жилища французскаго офицера, пробывшаго у нихъ нѣсколько дней и имени котораго они даже не знаютъ, но оплакиваютъ какъ друга, какъ сына!

Солдатъ, умирающихъ въ госпиталяхъ хоронятъ ночью и записываютъ, хоть можетъ и не всегда, ихъ фамилію и номеръ, чего почти не дѣлалось въ Кастиліоне.

Всѣ города Ломбардіи пожелали участвовать въ размѣщеніи раненыхъ. Въ Бергамъ, въ Кремонъ, помощь была отлично организована и кромѣ специальныхъ обществъ, были еще вспомогательные дамскіе комитеты, окружавшіе заботами своихъ многочисленныхъ больныхъ. Докторъ итальянецъ, въ одномъ изъ Кремонскихъ госпиталей сказалъ: „Мы бережемъ хорошее для нашихъ союзниковъ, а врагамъ даемъ только крайне необходимое; если они умираютъ—тѣмъ хуже для нихъ!“ И онъ прибавилъ, въ извиненіе такой жестокости, что, по словамъ итальянскихъ солдатъ, возвратившихся изъ Вероны и Мантуи, австрійцы оставляютъ умирать безъ помощи раненыхъ франко-сардинской арміи. Одна дама, графиня ***, всецѣло посвятившая себя уходу за больными, услышавъ эти слова, поторопилась выказать имъ свое неодобреніе, заявивъ, что она одинаково ухаживаетъ за австрійцами и союзниками и никакой разницы не дѣлаетъ между друзьями и врагами.

— Нашъ Господь, Иисусъ Христосъ не дѣлалъ различія между людьми, чтобъ дѣлать имъ добро,—прибавила она.

Весьма возможно, что въ началѣ и обращались грубо съ плѣнными союзныхъ войскъ, но эти свѣдѣнія были не-

точные, или преувеличены и, во всякомъ случаѣ, не могли оправдывать подобное заявленіе.

Что же касается французскихъ докторовъ, то они дѣлаютъ все возможное человѣческимъ силамъ, не обращая вниманія на національность и только сокрушались, что не могутъ сдѣлать еще больше. Послушайте, что говоритъ, по этому поводу, докторъ Сонріе: „Я немогу вспомнить, безъ глубокой грусти, маленькую палату въ двадцать пять кроватей, отведенную самымъ тяжело-раненымъ австрійцамъ въ Кремонѣ. Какъ теперь вижу передъ собой эти впалыя, землистыя лица, поблекшія отъ истощенія и гнойнаго зараженія; они умоляютъ жестами и раздирающими криками, какъ послѣдней милости просятъ удаленія члена, который хотѣли сохранить, и добились только мучительной агоніи, при которой мы должны были оставаться безсильными свидѣтелями!“

Генеральный интендантъ Брешии, М. Фаральдо, докторъ Гуанла, директоръ городскихъ больницъ, докторъ Комизетти, главный докторъ сардинской арміи и докторъ Карль Котта, санитарный инспекторъ Ломбардіи соперничали въ своемъ рвеніи и преданности дѣлу; нельзя не помянуть ихъ добрымъ словомъ, равно какъ и барона Ларрей, главнаго медицинскаго инспектора французской арміи. Докторъ Оснаръ выказалъ блестяшія способности какъ врачъ и какъ администраторъ; вмѣстѣ съ нимъ въ Брешии отличался М. Тьерри де Могра и цѣлый рядъ неутомимыхъ хирурговъ, которыхъ хотѣлось бы всѣхъ переименовать, такъ какъ, если убивающіе достойны славы, то, тѣмъ болѣе, помогающіе страждущимъ и, часто, цѣной собственной жизни, имѣютъ право на уваженіе и благодарность. Одинъ американскій хирургъ, докторъ Норманъ Беттунъ, профессоръ анатоміи въ Таронто, въ Верхней Канадѣ, нарочно пріѣхалъ изъ Страсбурга для помощи храбрымъ воинамъ. Студенты-медики пріѣхали изъ Болоньи, Пизы и другихъ городовъ.

Вмѣстѣ съ жителями Брешии, нѣсколько проѣзжихъ французовъ, швейцарцевъ и бельгійцевъ тоже помогали ходить за больными, приносили имъ апельсины, прохладительные напитки, кофе, шоколадъ, табакъ.

Въ больницѣ Санъ-Гаetano монахъ-францисканецъ усердно ходитъ за больными, а молодой пиемонтскій солдатъ, уже выздоравливающей, уроженецъ Ниццы, говорящей по французски и по итальянски, передаетъ ихъ просьбы или жалобы

ломбардскимъ докторамъ; его оставили при больницѣ переводчикомъ. Въ Піаченцѣ, гдѣ всѣ три больницы находились въ вѣдѣніи частныхъ лицъ и дамъ, замѣняющихъ фельдшеровъ и фельдшерицъ; одна молодая дѣвушка всѣ дни проводила въ больницѣ, хотя родные, боясь за ея здоровье, умоляли ее бросить это трудное дѣло. Но она исполняла его съ такой добротой и ласковостью, что солдаты говорили съ восторгомъ: „Она приноситъ радость въ больницу“.

Какъ нужны были бы въ этихъ городахъ Ломбардіи сотня—другая добровольныхъ фельдшеровъ и фельдшерицъ, но опытныхъ, знающихъ свое дѣло! Они могли бы своимъ знаніемъ направлять старанія и силы, разбросанныя и пропадающія безъ должнаго руководства, такъ какъ знающіе положительно не имѣли времени направлять и давать совѣты, а желающіе помогать—вносили въ дѣло только личное рвеніе, не всегда умѣлое и полезное. Дѣйствительно, что могла сдѣлать, въ громадномъ и спѣшномъ дѣлѣ, горсть единичныхъ личностей, какъ бы ни были они воодушевлены добрыми намѣреніями!

Дней черезъ восемь или десять, увлеченіе жителей Брешии, при всей своей начальной искренности, значительно остыло: они устали и успокоились за очень немногими исключеніями.

Кромѣ того простые, не понимающіе люди, приносили въ больницы нездоровую пищу, вредную для раненыхъ и имъ пришлось запретить доступъ въ больницы; многіе согласились бы провести часъ—другой съ больными, но отказывались отъ этого, когда требовались пропуски и объ нихъ нужно было хлопотать; иностранцы, предлагающіе свои услуги, встрѣчали всевозможныя препятствія и, въ концѣ концовъ, отступались. А опытные и умѣлые специалисты, присланные обществами съ одобренія и разрѣшенія властей, превозмогли бы всѣ трудности и принесли бы несравненно больше пользы.

Въ теченіе первой недѣли послѣ сраженія, раненыхъ про которыхъ доктора говорили „тутъ ничего нельзя сдѣлать,“—оставляли безъ всякаго ухода и они умирали совершенно заброшенными. И это было вполнѣ естественно, въ виду ограниченнаго количества фельдшеровъ и огромной массы раненыхъ. Это жестоко и ужасно, но неизбежно; нельзя терять драгоценное время на безнадежныхъ, когда

оно нужно тѣмъ, кого еще можно спасти. Приговоренныхъ заранѣе было много и они, несчастные, были не глухи: они скоро замѣчали, что ихъ оставляютъ безъ призора, еще больше страдали отъ этого и умирали одиноко. Никто этимъ не смущался, никто этого не замѣчалъ; кончина такого страдальца была, можетъ быть, отравлена сосѣдствомъ какого нибудь молодого зуава, не дающаго ему покоя глупыми и неумѣстными шутками, или, еще хуже, сосѣдствомъ такого же несчастнаго, недавно умершаго, что заставляетъ его, самого умирающаго, присутствовать при несложныхъ похоронахъ товарища и знать, что и его скоро ожидаютъ такіе же. Наконецъ, есть люди, которые пользуются его безнадежнымъ положеніемъ, роются у него въ ранцѣ и обираютъ его за-живо; а для него на почтѣ есть письма отъ родныхъ; получить ихъ было бы для умирающаго послѣдней радостью. Онъ умолялъ сторожей сходить за ними, но они грубо отвѣчали, что времени нѣтъ, и безъ него много дѣла.

Лучше было бы тебѣ, несчастный мученикъ, сразу погибнуть въ бою, среди ужасовъ, называемыхъ славой! По крайней мѣрѣ, твое имя было бы окружено блескомъ, особенно, еслибы ты палъ около твоего командира, защищая знамя полка; кажется даже тебѣ лучше быть похороненнымъ живымъ, когда тебя подняли безъ чувствъ на холмѣ Сипре или въ долинѣ Медоля; агонія твоя была бы не продолжительна, а теперь ты ихъ переживаешь цѣлый рядъ; теперь передъ тобой не доблестная честь сраженія, а холодная, мрачная смерть со всѣми ея ужасами и хорошо еще, если твое имя не попадетъ въ списокъ „безъ вѣсти пропавшихъ“.

Куда дѣвалось страстное, необъяснимое увлеченіе такъ непонятно воодушевлявшее этого храбраго воина въ день сраженія, когда онъ жизнь свою ставилъ на карту, когда, въ отвагѣ своей, жаждалъ крови своихъ ближнихъ и съ легкимъ сердцемъ шелъ ихъ убивать?

Куда дѣвалось стремленіе къ славѣ, такъ сильно вырвавшееся въ первыхъ сраженіяхъ или при торжественныхъ входахъ въ города Ломбардіи? Куда дѣвалось это заразительное увлеченіе, поддерживаемое возбуждающими мотивами военной музыки, звуками трубъ, свистомъ пуль, ревомъ бомбъ и разрывающихся снарядовъ, когда безсозна-

тельное опьяненіе страсти и обаяніе опасности застилають мысль о смерти?

Въ многочисленныхъ госпиталяхъ Ломбардіи можно было видѣть какой цѣной покупается такъ называемая слава и чѣмъ она оплачивается!

Битва при Сольферино, единственная въ XIX столѣтіи, которую можно сопоставить, по ея страшнымъ потерямъ, съ сраженіями при Бородинѣ, Лейпцигѣ и Ватерлоо. Въ итогѣ сраженія 24 іюня 1859 г. насчитывали убитыхъ и раненыхъ въ австрійской и франко-сардинской арміяхъ 3 фельдмаршаловъ, 9 генераловъ, 1566 офицеровъ разныхъ чиновъ, изъ нихъ 630 австрійцевъ и 936 союзныхъ войскъ и около 40.000 солдатъ и унтеръ-офицеровъ *). Черезъ два мѣсяца, въ этихъ цифрахъ, для всѣхъ трехъ армій, надо было прибавить еще свыше 40.000 лихорадочныхъ и умершихъ отъ болѣзней, вслѣдствіе чрезмѣрнаго утомленія 24 іюня или предшествующихъ и послѣдующихъ дней, или вслѣдствіе вреднаго вліянія климата Ломбардіи во время тропической лѣтней жары, или по неосторожности самихъ солдатъ.

Слѣдовательно, откинувъ соображенія военной доблести и славы, битва при Сольферино являлась для каждаго незаинтересованнаго и безпристрастнаго человѣка европейскимъ бѣдствіемъ **).

*) Французскія газеты и журналы увѣряють, будто при подписаніи мирнаго договора въ Виллафранкѣ, фельдмаршалъ Гессъ сознался, что въ сраженіи при Сольферино у австрійцевъ вышло изъ строя 50.000 человѣкъ, такъ какъ, прибавилъ онъ, „французскія пушки уничтожили наши резервы“. Возможно сомнѣваться въ достовѣрности этихъ словъ.

**) Послушаемъ, что говорить по этому поводу Поль де Моленъ, офицеръ французской арміи, участвовавшій въ этомъ сраженіи. Его доброе, благородное сердце внушило ему слѣдующія строки, вполне подходящія къ занимающему насъ вопросу:

„Послѣ сраженія Марельяно въ 1800 г. далеко уступающему по количеству потерь Сольфериинской битвѣ, Наполеона I охватило внезапное, могучее чувство, чуждое всякихъ политическихъ соображеній и гениальныхъ идей; чувство, зарождающееся безсознательно, этой искры Божіей въ самыхъ глубокихъ тайникахъ человѣческой совѣсти. — „На полѣ битвы, среди страданій массы раненыхъ, — писалъ онъ императору австрійскому, — окруженный пятнадцатью тысячами труповъ, — заклинаю Ваше Величество послушаться голоса человѣколюбія“. — Это письмо, сообщенное мнѣ извѣстнымъ историкомъ, глубоко поразило меня. Написавшій его, самъ тоже былъ удивленъ и растроганъ къ его удивленію не примѣшивалось, однако, тайнаго сожалѣнія выраженнаго чув-

Перевозъ раненыхъ изъ Брешии въ Миланъ, совершающійся ночью (вслѣдствіе тропической жары днемъ) представляетъ потрясающее зрѣлище; поѣзда, наполненные увѣчными солдатами, приходятъ на станціи, слабо освѣшенныя факелами; толпы народа, безмолвныя и мрачныя встрѣчаютъ ихъ, затаивъ дыханіе; изъ вагоновъ слышны стоны и сдержанные вздохи. На желѣзной дорогѣ изъ Милана въ Венецію, австрійцы, въ теченіе іюня мѣсяца, отступая до Гардскаго озера, во многихъ мѣстахъ испортили путь между Миланомъ, Брешией и Пескіерой; но онъ быстро былъ исправленъ и движеніе возстановлено для перевозки матеріаловъ и провіанта, ежедневно доставляемаго франко-сардинской арміи и для отправленія раненыхъ изъ госпиталей Брешии *).

На каждой станціи были выстроены узкіе длинные бараки для пріема раненыхъ, которыхъ выносили изъ вагоновъ и клали на кровати, или просто на матрацы; подъ навѣсами стояли столы съ хлѣбомъ, бульономъ, мясомъ, водой, съ корпией и бинтами, которые всегда нужны. Молодые люди освѣщаютъ стоянку массой факеловъ, и всѣ жители спѣшатъ выразить уваженіе и благодарность побѣдителямъ при Сольферино; въ глубокомъ молчаніи перевязываютъ раненыхъ, которыхъ выносили изъ вагоновъ съ отеческой заботливостью, а дамы угощаютъ всякими явствами и прохладительными напитками выздоравливающихъ больныхъ, которые слѣдуютъ прямо въ Миланъ. Въ этотъ городъ прибываетъ болѣе тысячи человѣкъ раненыхъ каждую ночь, и въ теченіе нѣсколькихъ ночей мучениковъ Сольферино, прінимаютъ съ такимъ же радушіемъ и сочувствіемъ, какъ принимали героевъ Маженты и Мариньяна **).

ства; онъ понималъ откуда оно исходило и уважалъ его, не стараясь представить, какъ другіе, что мозгъ дремлетъ, когда человѣкъ поддается благородному порыву.

Битва при Сольферино, добавляетъ Поль де Моленъ, должна была затронуть тѣ же струны, вырвавшія у побѣдителя Марельяно невольный крикъ грусти и состраданія.

*) Этимъ обязаны исключительно дѣятельности и энергіи Шарля Бротъ, миланскаго банкира, который былъ одинъ изъ всѣхъ членовъ совѣта ломбардо-венеціанскихъ желѣзныхъ дорогъ, оставшіяся въ городѣ.

**) Въ половинѣ іюня 1859 г., значить, еще до Сольферино, въ Миланскихъ больницахъ числилось около девяти тысячъ раненыхъ, послѣ предшествующихъ сраженій: главный гражданскій госпиталь (основанный въ XV вѣкѣ Бланшъ Висконти, женой герцога Сфорца) вмѣщалъ одинъ около трехъ тысячъ человѣкъ.

Но теперь уже не розы сыпятся съ изукрашенныхъ балконовъ дворцовъ миланской аристократіи на эполеты и кресты изъ рукъ прелестныхъ патриціанокъ, а горячія слезы; онѣ доказываютъ глубокое состраданіе, которое превратится въ христіанское служеніе ближнему, терпѣливое и самоотверженное.

Всѣ семьи, имѣющія экипажи, пріѣзжаютъ на вокзалъ за ранеными; число этихъ экипажей свыше пяти-сотъ; самыя роскошныя коляски и самыя скромныя телѣжки каждый вечеръ направляются въ Порта Таза, куда приходятъ поѣзда изъ Венеціи; дамы-аристократки сами укладываютъ въ экипажи, устланные тюфяками и подушками, предназначенныхъ для больныхъ, а ломбардскіе вельможи выносятъ ихъ изъ вагоновъ. Толпа привѣтствуетъ этихъ избранныхъ войны, стоитъ съ непокрытыми головами, съ факелами провожаетъ медленное шествіе, освѣщая блѣдныя лица раненыхъ, которые стараются улыбнуться, слѣдуя за ними до дверей гостепріимныхъ домовъ, гдѣ ихъ ожидаютъ самыя искреннія, нѣжныя заботы.

Каждая семья хочетъ пріютить раненыхъ французовъ и старается всѣми силами облегчить имъ разлуку съ родными, друзьями и родиной; въ частныхъ домахъ, какъ и въ госпиталяхъ, лучшіе доктора заняты ими *).

Самыя важныя миланскія дамы выказываютъ имъ преданную и неустанную заботливость; онѣ одинако просиживаютъ ночи у изголовья офицера и простаго солдата; госпожа Убольди де Каней, госпожа Бозелли, госпожа Сала, рожденная графиня Таверна, и многія другія, забывъ привычки роскоши, цѣлые мѣсяцы проводятъ около больныхъ

*) Главный надзоръ за всѣми больницами города былъ порученъ доктору Кювельи, который отлично исполнилъ трудную задачу, возложенную на него главнымъ хирургомъ италіанской арміи. Этому послѣднему дѣятельно помогалъ послѣ битвы Сольферино г. Форальдо, главный интендантъ провинціи Брешии, о трудолюбіи и высокиихъ качествахъ котораго нельзя не упомянуть.

Французская армія, выступая изъ Милана въ Брешию, около половины іюня оставила свободными временныя помѣщенія тысячь для восьми раненыхъ.

Надо отдать полную справедливость отличной организаціи французской арміи съ точки зрѣнія челоѣколюбія, чѣмъ она особенно обязана маршалу Рандону, военному министру, маршалу Вальяну, главному доктору италіанской арміи и генералу Мартимирей, помощнику главнаго доктора.

Всѣ эти благодѣянія оказываются безъ малѣйшаго хвастовства, и эти, ежечасныя заботы и попеченія, имѣя полное право на благодарность семей тѣхъ, которые ими пользовались, должны вызывать у каждаго человѣка почтительное умиленіе. Нѣкоторыя изъ этихъ дамъ были матери, и ихъ траурныя одежды доказывали недавнія утраты; одна изъ нихъ, маркиза Л., трогательно говорила доктору Бертерану: „Война взяла у меня старшаго сына; онъ сражался съ вашей арміей подъ Севастополемъ и умеръ восемь мѣсяцевъ тому назадъ отъ послѣдствій полученной тамъ раны. Когда я узнала, что въ Миланѣ пріѣзжаютъ раненые французы и мнѣ можно будетъ ходить за ними, я почувствовала, что Господь послалъ мнѣ первое утѣшеніе“...

Графиня Верри-Баромео, предсѣдательница центрального комитета помощи *) завѣдывала складами корпіи и бѣлья и сѣумѣла также, не смотря на свой преклонный возрастъ, ежедневно удѣлять нѣсколько часовъ для чтенія больнымъ. Раненые во всѣхъ дворцахъ; во дворецъ Баромео ихъ триста человѣкъ. Настоятельница монастыря Урсулинокъ, сестра Марина Вадемари, завѣдуетъ больницей, составляющей образецъ порядка и чистоты, гдѣ она несетъ всю службу съ сестрами.

*) Графиня Юстина Верри, рожденная Баромео, умерла въ Миланѣ въ 1860 г., оплакиваемая всѣми, кто имѣлъ счастье ее знать.—Склады корпіи, бинтовъ и т. п. помѣщавшіеся на Контрада Санъ Паола которыми она весьма разумно распоряжалась, снабжались пожертвованіями изъ разныхъ городовъ и странъ, но, главнымъ образомъ, изъ Турина, гдѣ маркиза Палмавирино-Тривульціо вела такое же дѣло, какъ графиня Верри въ Миланѣ.

Женева и другіе города Швейцаріи и Савойи прислали въ Туринъ значительныя количества корпіи и бѣлья черезъ посредство доктора Анніа, который былъ инициаторомъ этого добраго дѣла въ Женевѣ. Довольно крупныя суммы денегъ были ассигнованы для раздачи пособій раненымъ безъ различія національностей. Графиня Ж. предложила учредить для этой цѣли комитетъ и это предложеніе, одобренное въ Парижѣ, впервые осуществилось въ Женевѣ. Изъ этой нейтральной страны, одинаково сочувствующей обѣимъ сражающимся арміямъ, пожертвованія посылались въ официальные комитеты Турина и Милана для безпристрастной раздачи французамъ, нѣмцамъ и итальянцамъ. Въ Туринѣ маркиза Палмавирино-Тривульціо, добрая, щедрая, преданная дѣлу съ должной энергіей, предсѣдательствовала въ главномъ комитетѣ (*Comitato delle Signore per la raccolta di beni, filacu a pro dei feribi*). Обратовались и другіе комитеты въ Туринѣ, гдѣ населеніе очень сочувственно отнеслось къ ужасамъ войны.

По немногу начинаютъ отправляться по дорогѣ въ Туринъ маленькіе отряды выздоравливающихъ солдатъ-французовъ, загорѣлыхъ подъ жгучимъ солнцемъ Итали; у кого рука на перевязи, кто на костыляхъ, но на всѣхъ слѣды тяжелыхъ ранъ; мундиры ихъ рваные и истрепанные, но у всѣхъ роскошное бѣлье, которымъ ихъ снабдили богатые ломбардцы взамѣнъ ихъ окровавленныхъ рубашекъ: „Ваша кровь лилась на защиту нашей родины, мы хотимъ сохранить объ этомъ воспоминаніе“, сказали имъ итальянцы. Всѣ эти люди, такъ недавно еще крѣпкіе и здоровые, а теперь лишенные ноги, руки или съ пробитой головой, смиренно переносятъ свои страданія, но съ грустью предвидятъ свою жизнь калѣкъ, въ тягость себѣ и другимъ и полную невозможность служить и быть поддержками своихъ семей.

Не могу не упомянуть о моей встрѣчѣ въ Миланѣ, по возвращеніи изъ Сольферино, съ достойнымъ старцемъ, маркизомъ де Бриасо, бывшимъ депутатомъ и мэромъ въ Бордо; имѣя очень большое состояніе, онъ пріѣхалъ въ Италию только съ цѣлью помогать раненымъ. Мнѣ посчастливилось облегчить его отъѣздъ въ Брешию: въ первой половинѣ іюля, тѣснота и давка на вокзалѣ Порто Таза, куда я его провожалъ, были такъ ужасны, что невозможно было добратъся до вагоновъ. Не смотря на его годы и положеніе (если не ошибаюсь, французское правительство дало ему порученіе чисто благотворительнаго свойства), онъ не могъ добиться мѣста въ поѣздѣ. Это дасть понятіе о небываломъ скопленіи въ вокзалѣ и поѣздахъ.

Другой французъ, почти глухой, проѣхалъ двѣсти миль, чтобъ ухаживать за своими соотечественниками; пріѣхавъ въ Миланъ, и видя австрійскихъ раненыхъ почти заброшенными, онъ посвятилъ себя имъ, стараясь дѣлать для нихъ все возможное, взамѣнъ того зла, которое причинилъ ему сорокъ пять лѣтъ тому назадъ одинъ австрійскій офицеръ: въ 1814 г., когда союзныя войска заполонили Францію, этотъ австрійскій офицеръ былъ помѣщенъ у родителей француза, который, будучи тогда совсѣмъ ребенкомъ, страдалъ какой то болѣзнью, вызывавшей отвращеніе у офицера. Онъ грубо вытолкалъ его изъ дома, что причинило ребенку глухоту на всю жизнь.

Въ одномъ изъ миланскихъ госпиталей, сержантъ гвардейскихъ зуавовъ, съ гордымъ энергичнымъ лицомъ, перенесшій ампутацію ноги, не испустивъ ни стона, ни жа-

лобы, вдругъ впаль въ глубокую грусть, хотя здоровье его поправилось. Никакъ не могли понять его возрастающую грусть; сестра милосердія, увидавъ даже слезы на его глазахъ, стала настоятельно разспрашивать и онъ признался, наконецъ, что будучи единственной поддержкой своей старой, больной матери, онъ ежемѣсячно посылалъ ей пять франковъ, которые сберегаль изъ своего жалованья; теперь онъ не былъ въ состояніи ей помогать и она, вѣрно очень нуждалась въ деньгахъ, не получивъ обычнаго пособія. Монахиня дала ему монету въ сто су, которая была немедленно отправлена во Францію; но когда графиня Т., заинтересованная этимъ солдатомъ, узнавъ о причинѣ его грусти, хотѣла дать небольшую сумму денегъ ему и его матери, онъ отказался и сказалъ, благодаря графиню: „Оставьте эти деньги для болѣе нуждающихся. Въ будущемъ мѣсяцѣ я надѣюсь снова начать работать и посылать моей матери“.

Одна изъ миланскихъ аристократокъ, носящая историческое имя, отдала въ распоряженіе раненыхъ свои дворцы съ полутора ста кроватями. Въ числѣ солдатъ, помѣщенныхъ въ роскошный дворецъ былъ гренадеръ, выдержавшій ампутацію; положеніе его было весьма опасно. Хозяйка дворца, стараясь утѣшить больного, говорила съ нимъ о семьѣ и онъ рассказаль, что онъ единственный сынъ крестьянъ департамента Жерь и главное его горе, оставить ихъ въ нищетѣ, такъ какъ онъ одинъ былъ ихъ поддержкой; онъ прибавилъ, что обнять мать передъ смертью было бы для него громаднѣмъ утѣшеніемъ. Эта добрая женщина, не говоря ни слова, сейчасъ же ѣдетъ въ семью солдата, оставляетъ двѣ тысячи франковъ больному отцу, а мать, бѣдную крестьянку, привозитъ съ собой въ Миланъ. Шесть дней послѣ разговора, гренадеръ со слезами обнималъ мать и благословлялъ свою благодѣтельницу.

Зачѣмъ было рассказывать обо всѣхъ этихъ страданіяхъ и вызывать, вѣроятно, излишнее впечатлѣніе? Зачѣмъ описывать потрясающія картины съ мельчайшими подробностями, кажушимися безнадежными до отчаянія?

На этотъ, естественный вопросъ, надо отвѣтить тоже вопросомъ:

Отчего нельзя основать добровольныя общества, которыя, во время войны, подавали или организовали бы помощь раненымъ и уходъ за ними?

Ужъ если надо отказаться отъ желаній и стремленій членовъ общества друзей мира, отъ мечтаній аббата Санъ-Піерра и графа Селлона; разъ что люди продолжаютъ убивать другъ друга безъ ненависти и, что величайшая доблесть на войнѣ, истребить ихъ какъ можно больше; когда заявляютъ, какъ графъ Жоржъ де Местръ, что „война божественна“; когда ежедневно изобрѣтаютъ, съ терпѣніемъ достойнымъ лучшей участи, все усовершенствованные средства истребленія и изобрѣтатели этихъ смертоносныхъ средствъ поощряются большинствомъ государствъ Европы, которые наперерывъ одно передъ другимъ вооружаются.

Отчего не воспользоваться сравнительно мирнымъ и спокойнымъ временемъ для обсужденія вопроса первостепенной важности, съ точки зрѣнія и человѣчности и христіанства?

Вопросъ этотъ, при общемъ обсужденіи, вызоветъ разсужденія и письменные отзывы людей болѣе свѣдушихъ, но надо, прежде всего, чтобъ эта мысль нашла откликъ и сочувствіе въ сердцахъ людей съ отзывчивымъ сердцемъ, горячо принимающихъ страданія ближнихъ.

Такія общества, существуя постоянно, бездѣйствовали бы, такъ сказать, въ мирное время. *) но были бы на готовѣ на случай войны; они стояли бы подъ охраной государствъ, въ которыхъ возникали и получали бы, во время войны, отъ враждующихъ правителей разрѣшенія, облегчающія исполненію ихъ благого дѣла. Эти общества, должны были бы имѣть въ своей средѣ и въ каждомъ государствѣ, главными членами комитетовъ, людей достойныхъ, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ. Эти комитеты, обращались бы къ каждому человѣку, согласному временно посвятить себя этому дѣлу и согласному во 1) съ разрѣшенія, то есть при содѣйствіи и указаніи военнаго управленія подавать помощь раненымъ во время сраженія и 2) продолжать уходъ за ранеными въ больницахъ до полного ихъ выздоровленія. Такая отзывчивость встрѣчалась бы чаще, чѣмъ думаютъ и весьма многіе, увѣренные, что могутъ принести пользу при содѣйствіи администраціи, охотно поѣхали бы, даже на свой счетъ, исполнять временно долгъ высокаго человѣколюбія. Въ наше время холодности и эго-

*) Такія общества могли бы даже оказывать громадныя услуги при ожиданіяхъ или такихъ бѣдствіяхъ, какъ наводненія, пожары и т. д. Филантропическая цѣль, вызвавшая ихъ существованіе, давала бы примѣненіе ихъ дѣятельности во всѣхъ подходящихъ случаяхъ.

изма, какая отрада для людей благородныхъ и отзывчивыхъ, подвергаться одинаковой опасности съ воюющими, но для добровольнаго служенія миру, утѣшенію и самоотверженія!

Историческіе примѣры доказываютъ, что надежда на подобныя самоотверженія, не химера; припомнимъ хотя бы миланскаго архіерея, св. Карла Баромео, пришедшаго, изъ далекой паствы, во время чумы 1576 г., помогать и одобрять всѣхъ, не боясь опасности и зараженія? А его примѣру послѣдоваль, въ 1627 г., Фридрихъ Барроме. А епископъ Бельцунзій де Кастель-Моронъ, отличившійся геройскимъ самозабвеніемъ во время этого опустошающаго бѣдствія въ Марсели въ 1720—1721 г. г.? А Джонъ Говардъ, посѣтившій всѣ больницы, госпитали и тюрьмы Европы? Сестра Марта изъ Безансона въ 1813 и 1815 г.г. дѣлала перевязки всѣмъ раненымъ французскихъ и соединенныхъ войскъ; до нея, другая монахиня, сестра Варвара Шидеръ, въ 1799 г., въ Фрибургѣ, отличалась уходомъ за ранеными иностранными войскъ, нахлынувшихъ въ ея отечество и за своими соотечественниками.

Но вспомнимъ, особенно, два примѣра самоотверженія, вполне современныхъ, относящіеся къ войнѣ на востокъ и прямо подходящихъ къ интересующему насъ вопросу. Когда сестры милосердія ходили за ранеными и больными французской арміи въ Крыму, къ русскимъ и англійскимъ войскамъ прибыли съ сѣвера и запада два отряда, подъ предводительствомъ двухъ святыхъ женщинъ. Вскорѣ послѣ начала войны, русская великая княгиня Елена Павловна, рожденная принцесса Шарлота Вюртембергская, выѣхала изъ Петербурга съ тремя-стами дамъ, пожелавшихъ нести всю больничную службу въ госпиталяхъ Крыма, за что ихъ благословляли тысячи русскихъ солдатъ *).

Съ своей стороны, миссъ Флорансъ Нигтингаль, посѣтившая больницы Англій и большинства благотворительныхъ учрежденій континента и посвятившая себя добрымъ дѣламъ, отказавшись отъ роскоши и богатства, получила настоятель-

*) Во время восточной войны, въ зиму 1854—55 гг., императоръ все-россійскій Александръ II посѣтилъ госпитали Крыма. Могущественнаго правителя съ горячимъ сердцемъ и высокой благородной душой, такъ поразила представившаяся ему картина, что онъ тогда же рѣшилъ заключить миръ, будучи не въ силахъ переносить мысль о чудовищной рѣзньѣ, приносящей столько бѣдствій его подданнымъ.

ный призывъ отъ лорда Сиднея Герберта, бывшаго тогда военнымъ секретаремъ британской имперіи, приглашавшаго ее ходить за англійскими солдатами на востокъ.

Миссъ Нигтингаль, имя которой стало уже популярно, не задумываясь взялась за это святое дѣло, зная что и ея королева этому сочувствуетъ и, въ ноябрѣ 1854 г., отправилась въ Константинополь и Скутари съ тридцатью семью дамами англичанками, сейчасъ же, по пріѣздѣ, начавшими ухаживать за многочисленными ранеными инкерманскаго сраженія. Въ 1855 г. къ ней присоединилась миссъ Станлей и еще пятьдесятъ дамъ, что дало возможность миссъ Нигтингаль уѣхать въ Балаклаву, осматривать госпитали. Всѣмъ извѣстны ея подвиги въ Крыму для облегченія страждущаго человѣчества *).

Во всей массѣ примѣровъ самоотверженія, прежнихъ и современныхъ, большею частью безвѣстныхъ, какъ многіе не достигли своей цѣли оттого, что были единичны, а не поддержаны совмѣстнымъ участіемъ и организаціей!

Еслибъ были добровольные сестры и братья милосердія 24, 25 и 26 іюня въ Кастиліоне, въ Брешии, въ Мантуѣ и Веронѣ, какую неоцѣненную пользу они могли бы принести? А въ ужасную ночь, съ пятницы на субботу, когда раздающіе крики и мольбы вырывались изъ груди раненыхъ, жестоко страдающихъ отъ ранъ и отъ невыносимой жажды!

Еслибъ принца Изембургскаго раньше подняли съ сырой окровавленной земли, гдѣ онъ лежалъ безъ сознанія, онъ не страдалъ бы до сихъ поръ отъ послѣдствій ранъ, нѣсколько часовъ оставленныхъ безъ перевязки; еслибъ его лошадь не нашла его среди труповъ, онъ погибъ бы безъ помощи со многими другими ранеными, которые тоже были созданія Божіи и ихъ смерть одинаково чувствительно отозвалась на ихъ семьяхъ. Развѣ красивыя дѣвушки и добрыя женщины Кастиліоне не спасли жизнь многимъ раненымъ и увѣчнымъ, ухаживая за ними? Но тутъ нужны были бы не только женщины, слабыя и неумѣлыя, а опытыя, мужчины, твердые и знающіе, дѣйствующіе сообща и предупреждающіе несчастные случаи и лихорадки, которые осло-

*) Образъ миссъ Флорансъ Нигтингаль, обходящей ночью палаты военныхъ госпиталей и подходящей къ каждому больному, чтобъ оказать ему немедленную помощь, никогда не изгладится изъ сердецъ людей видѣвшихъ ея милосердіе, или пользовавшихся имъ, а преданіе о ней всегда, сохранится въ лѣтописяхъ исторіи.

жняютъ раны и очень скоро превращаютъ ихъ въ смертельныя.

Еслибъ было достаточно лазаретной прислуги, чтобъ подымать раненыхъ на равнинахъ Медоля, въ оврагахъ Санъ-Мартино и на холмахъ Сольферино 24 іюня, несчастные не оставались бы, по нѣскольکو часовъ, безъ помощи, въ страшной тоскѣ и страхѣ быть забытыми и не дѣлали бы невозвѣрныхъ усилій, только ухудшающихъ ихъ положеніе, чтобъ подняться, не взирая на жестокія мученія, въ надеждѣ, что ихъ увидятъ и принесутъ носилки.

И, наконецъ, на другой день, не грозила бы еще худшая опасность живому быть похороненнымъ съ мертвыми!

Съ болѣе усовершенствованными способами переноски *) этотъ бѣдный гвардейскій стрѣлокъ могъ бы избѣжать мучительной ампутаціи въ Брешии, вызванной только полнымъ отсутствіемъ ухода на дорогѣ отъ перевязочнаго пункта своего полка до Кастиліоне. Развѣ видъ этихъ молодыхъ инвалидовъ, лишенныхъ ноги или руки, грустно возвращающихся въ свои семьи, не порождаетъ сожалѣнія или укора совѣсти, что не постарались предотвратить опасныя послѣдствія раны, могущей быть излѣченной дѣйствительной и своевременной помощью. А умирающіе, заброшенные въ

*) Избѣгая, путемъ лучшихъ приспособленій, несчастныхъ случаевъ при перенесеніи раненыхъ съ поля битвы на перевязочный пунктъ, значительно убавится число ампутацій и обязанность правительства пенсіонировать своихъ инвалидовъ значительно облегчится. За послѣднее время многіе хирурги специально занялись вопросомъ о перенесеніи раненыхъ, такъ докторъ Аппія изобрѣлъ аппаратъ гибкій, легкій и простой, смягчающій сотрясеніе при переломахъ и раздробленіяхъ, и докторъ Мартресъ тоже удачно занялся разработкой этого вопроса.

Г. Луи Жуберъ, бывший ассистентъ, хирургъ парижскихъ больницъ, первый аташе кабинета императора французовъ, изобрѣлъ послѣ войны въ Италіи мѣшокъ-носилки, или мѣшокъ-кровать такого несложнаго устройства и такой удобной, что нѣскольکو такихъ аппаратовъ были отправлены съ французскими войсками въ Мексику и въ Кохинхину. Многія правительства, признавъ удобство мѣшка-носилки, примѣнили его, и онъ начинаетъ распространяться во Франціи въ частныхъ учрежденіяхъ какъ заводы, фабрики, копи и т. п. Мѣшокъ-носилки совмѣщаетъ въ себѣ палатку, походную кровать, временную больничную кровать и носилки съ подушкой. Аппаратъ Жубера, по своей легкости, формѣ и размѣрамъ, превосходитъ всѣ прежнія и новыя изобрѣтенія и состоитъ изъ частей вполне знакомыхъ солдату, можетъ быть ему весьма полезенъ. Общества, учрежденія которыхъ мы такъ желаемъ, особенно оцѣнять такихъ людей какъ г. Жуберъ, посвящающихъ свое время и знанія полезнымъ, человѣколюбивымъ изобрѣтеніямъ!

Кастиліоне и въ больницахъ Брешии, роднаго языка которыхъ даже никто не понималъ, развѣ они отошли бы проклиная и богохульствуя, еслибъ при нихъ былъ кто нибудь, чтобъ ихъ выслушать и утѣшить? *).

А сколько дѣла осталось, не смотря на все стараніе городовъ Ломбардіи и жителей Брешии! Ни одна война, ни въ какомъ столѣтіи не видала такого проявленія милосердія и всетаки оно не соотвѣтствовало суммѣ страданій, требующихъ помощи, тѣмъ болѣе, что оно все изливалось на раненыхъ союзныхъ войскъ, а не на австрійцевъ: благодарность народа, спасеннаго отъ чужой зависимости, вызвала этотъ мимолетный взрывъ безумнаго увлеченія.

Нашлись, правда, въ Италіи, благодѣтельныя женщины, рвеніе которыхъ не ослабѣло ни на минуту, но увы! въ концѣ концовъ, ихъ насчитывалось не много; заразительныя лихорадки испугали многихъ, а фельдшера и служители не долго оставались на высотѣ своего призванія. Для такого дѣла надо не наемныхъ людей, которыхъ брезгливость и отвращеніе отталкиваютъ, а утомленіе дѣлаетъ неотзывчивыми, грубыми и лѣнливыми. Къ тому же помощь нужна немедленная, такъ какъ то, что можетъ спасти раненаго сегодня, уже не спасетъ его завтра, а потомъ начнется гангрена и которая уноситъ больнаго **).

Слѣдовательно нужны фельдшера и фельдшерицы добровольные, трудолюбивые, подготовленные и знающіе, признанные и одобренные командующими арміями и встрѣчающіе у нихъ поддержку своему дѣлу.

Составъ военныхъ перевязочныхъ пунктовъ всегда недостаточенъ и останется всегда таковымъ, даже если его удвоить или утроить: надо неизбѣжно обращаться къ содѣйствію общества и только при его участіи можно надѣяться достигнуть цѣли. Это воззваніе, съ которымъ надо

*) Во время войны въ Италіи, нѣкоторые солдаты такъ страдали тоской по родинѣ, что умирали безъ всякой болѣзни.

**) Въ началѣ похода въ Италію и когда еще не было ни одного сраженія, въ одномъ салонѣ въ Женевѣ госпожа Н. предложила устроить комитетъ для помощи раненыхъ. Многіе нашли это предложеніе преждевременнымъ и я самъ не могъ не замѣтить: „Какъ это думать о корпіи, когда еще нѣтъ ни одного раненаго?“ А какъ была бы нужна эта корпія въ больницахъ Ломбардіи и Венеціи съ первыхъ же стычекъ!—Всѣ изложенные мною факты измѣнили мои воззрѣнія и побуждали меня высказать эти соображенія. Дай Богъ, чтобъ онѣ лучше были приняты, чѣмъ я принялъ, въ маѣ 1859 г. предложеніе госпожи Н!..

обратиться къ людямъ всѣхъ странъ и сословій, къ сильнымъ міра, какъ и къ простымъ ремесленникамъ, такъ какъ всѣ могутъ, каждый въ своей сферѣ, по мѣрѣ силъ и возможности, содѣйствовать этому доброму дѣлу. Это воззваніе относится одинако къ мужчинамъ и къ женщинамъ, къ принцессѣ, сидящей на тронѣ и къ простой служанкѣ, доброй и преданной, или къ бѣдной одинокой вдовѣ, желающей отдать послѣднія силы на пользу страждущихъ ближнихъ; оно относится къ генералу, къ филантропу, къ писателю, который можетъ изъ глубины своего кабинета, силою своего таланта, разработать вопросъ, касающійся всего человѣчества вообще и въ частности каждой семьи, каждаго лица, такъ какъ никто не застрахованъ отъ случайностей войны.

Если австрійскій и французскій генералы могли сидѣть рядомъ послѣ Сольферино за гостепріимнымъ столомъ прусскаго короля и мирно бесѣдовать, кто помѣшалъ бы имъ обсуждать вопросъ, достойный ихъ вниманія и интереса?

Въ экстраординарныхъ случаяхъ, когда собираются въ Кельнѣ или Шалонѣ главы военнаго дѣла разныхъ національностей, отчего бы имъ не воспользоваться такими собраніями, чтобъ выработать какія нибудь международныя, уголовныя и обязательныя правила, которыя, разъ принятыя и утвержденыя, послужили бы основаніемъ Общества поданія помощи раненымъ въ разныхъ государствахъ Европы? Сговориться и принять мѣры заранѣе, тѣмъ болѣе важно, что при самомъ началѣ недоразумѣній, предшествующихъ войнѣ, противники уже враждебно относятся другъ къ другу и всякій вопросъ, обсуждаютъ единственно съ личной точки зрѣнія своихъ подданныхъ *).

Человѣколюбіе и культура настоятельно требуютъ такія общества; казалось бы даже, что это долгъ, для исполненія котораго каждый вліятельный человѣкъ долженъ приложить свое содѣйствіе, а каждый добрый человѣкъ хоть мыслью остановиться на немъ. Какой властитель откажетъ въ своей поддержкѣ такимъ обществамъ и не захочетъ дать своимъ солдатамъ увѣренность въ немедленномъ и хо-

*) Собираютъ же конгрессы ученыхъ, юристовъ, агрономовъ, статистиковъ, экономистовъ, которые обсуждаютъ вопросы гораздо менѣ важные, и цѣлыя международныя общества занимаются промышленностью, благотворительностью, общественной пользы и т. д.

рошемъ уходѣ, если они будутъ ранены? Какое государство не захочетъ покровительствовать людямъ, старающимся сохранить жизнь его подданныхъ? Какой офицеръ, какой генераль, если онъ видитъ въ солдатахъ—своихъ дѣтей, не постарается облегчить трудъ такихъ добровольныхъ фельдшеровъ?

Какой военный интендантъ, какой главный хирургъ не приметъ съ благодарностью помощь людей ученыхъ, образованныхъ, работающихъ подъ дѣльнымъ руководствомъ? *) Наконецъ, въ наше время, когда такъ много говорится о прогрессѣ и культурѣ, и ужъ разъ что нельзя избѣжать войны, не важно ли стремиться предотвратить или хотя смягчить, всѣ ея ужасы, и не только на полѣ сраженія, а, главнымъ образомъ, въ больницахъ, во время длиннаго и тяжелаго періода выздоровленія?

Чтобъ осуществиться на практикѣ, этому дѣлу требуется много челоѣколюбія и самоотверженія, но въ деньгахъ недостатка никогда не будетъ **). Во время войны, по призыву комитетовъ, каждый принесетъ посильную лепту; народъ не можетъ быть равнодушень, когда его сыны сражаются; въ сраженіяхъ льется вѣдь его же собственная кровь! Значить такія препятствія не могутъ помѣшать развитію этого дѣла. Весь вопросъ въ серьезной подготовкѣ къ такой задачѣ и въ учрежденіи такихъ обществъ *).

*) Съ такими обществами, какія мы имѣемъ въ виду, невозможно было бы хищеніе и несправедливое распредѣленіе пособій. Во время Крымской кампаніи, на примѣръ, изъ Петербурга въ Крымъ были посланы большіе транспорты корпіи, сдѣланной русскими дамами; но эти тюки попали не въ больницы, какъ предназначались, а на бумажныя фабрики, которыя приняли ихъ какъ матеріалъ для своего производства.

**) Для учрежденія комитетовъ нужна только добрая воля нѣсколькихъ достойныхъ людей, отъ которыхъ даже не требовалось бы подвиговъ самоотверженія. Надо бы составить небольшой кружокъ филантроповъ, готовыхъ дѣйствовать въ случаѣ нужды и почти не проявляющихъ себя въ мирное время. Комитеты, учрежденные въ разныхъ мѣстностяхъ и странахъ, вполне самостоятельные сами по себѣ, могли бы сплотиться и дѣйствовать сообща на случай войны.

***) "... Пусть видятъ по тѣмъ удручающимъ примѣрамъ, которые вы приводите, сколько мученій и слезъ стоитъ военная доблесть,—писаль мнѣ уважаемый генераль Дюфуръ 19 октября 1862 г.—Слишкомъ привыкли видѣть только блестящую сторону войны и закрывать глаза на ея грустныя послѣдствія... Очнь полезно обратить вниманіе общества на этотъ вопросъ высокаго челоѣколюбія и вашъ трудъ, въ этомъ отношеніи вполне достигнетъ желанной цѣли. Глубокое и всестороннее обсужденіе дѣла, при участіи филантроповъ всѣхъ, странъ можетъ разрѣшить эту задачу..."

Если страшные способы истребленія, которыми располагають теперь народы сократятъ со временемъ продолжительность войнъ, то сраженія за то будутъ еще гибельнѣе; въ наше время, когда случайности играютъ такую крупную роль, развѣ войны не могутъ возникать самымъ неожиданнымъ образомъ?

Однихъ этихъ соображеній уже достаточно, чтобъ желать не быть застигнутымъ врасплохъ.

Призывъ былъ услышанъ и изъ многихъ государствъ Европы многочисленные выраженія искренняго сочувствія этому дѣлу, отъ людей всѣхъ сословій и положеній (военныхъ и статскихъ) откликнулись автору, болѣе чѣмъ когда либо убѣжденному, что подобныя общества могутъ и должны основаться...

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Международный Комитет Красного Креста (МККК) является беспристрастной, нейтральной и независимой организацией, чьи цели и задачи носят исключительно гуманитарный характер и заключаются в том, чтобы защищать жизнь и достоинство людей, пострадавших от вооруженных конфликтов и других ситуаций насилия, и предоставлять им помощь. Пропагандируя и укрепляя гуманитарное право и универсальные гуманитарные принципы, МККК прилагает все усилия к тому, чтобы предотвратить страдания людей. МККК, основанный в 1863 г., стоит у истоков Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца. МККК руководит деятельностью Движения по оказанию международной гуманитарной помощи в ситуациях вооруженных конфликтов и других ситуациях насилия и координирует ее.

MK KK

2015.0049/005 04.2015 500